

Б 98

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БЮЛЛЕТЕНЬ

Орловского Губернского
БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ.

1928 г.

—

№ 4.

Выходит
4 раза в год.

Издание Губбюро Краеведения.
г. Орел.

С о д е р ж а н и е.

Стр.

Оригинальные статьи.

- А. С. Козменко. — „Выводы и перспективы опытной мелиорации в Северо-Черноземной Области“ 1
- В. Н. Лясковский. — „Пределы полеводства в зависимости от уклона почв“ . 9
- В. Ф. Сопычев. — „Паводки и весеннее пеловодье р. Зуши в 1925 г.“ . 12

Из работ краеведов.

- Д-р З. И. Израильсон и В. В. Петиков. — „Алкоголь в быту рабочих кожевников Орловской губернии“ 14
- В. В. Понятовский. — „Итоги первого съезда по коноплеводству“ 26
- В. С. Ростопчин. — „Бытие и сознание в музейном деле“ 19
- П. В. Малащенко. — „Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX в. в. (к вопросу о проведении аналогичных обследований в Орлов. губ).“ . 24
- И. А. Шелапутин. — „Шестаковский ботанический сад“ 29
- А. И. Молозев. — „Ковыль в окрестностях г. Мценска“ 30
- В. Н. Хитрово, проф. — „О размере мелодии частушек“ 31

Программы инструкции.

- В. Ф. Лебедев. — „Формалиновый способ быстрого изготовления туш и сухих препаратов животных для музейных коллекций“ 33
- В. Н. Хитрово проф. — „Инструкция для фенологических наблюдений в Орловской губернии.“ 36
- и П. Н. Кузнецов.

На местах.

- И. М. Никольский. — „Памяти А. А. Кириллова“ (некролог) 42
- В. Ф. Сопычев. — „Сведения из отчета о деятельности и состоянии Мценского общества по изучению местного края в 1927 г.“ 43
- П. Н. Кузнецов. — „Положение краеведения в Малоархангельском уезде“ 45

Библиография.

- В. А. Преображенский. — „Орел“ вып. 1 с рисунками, составлен членами Орловского О-ва Краеведения П. С. Ткачевским и И. И. Лебедевым“ 46

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Склад издания: Губбюро Краеведения. Адрес: г. Орел, пл. Карла Маркса, Губстатотдел, телефон № 71. Секретарь редакции принимает ежедневно с 14 час. до 15 1/2 час.

Б 98

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бюллетень

Орловского Губернского Бюро
Краеведения.

Адрес Редакции и Губбюро:
г. Орел, пл. Карла Маркса
(Губстатотдел).

8002

1928 г.

Выходит четыре раза в год

№ 4.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ.

КР-2017

А. С. Козменко.

(Зав. Новосильской Опытной-Овражной Станцией).

Выводы и перспективы опытной мелиорации в северо-черноземной области.

Сравнительно с другими физико-географическими областями, централь-но-черноземная область вообще и в частности северо-черноземная ее часть представляют собою такие местности, где задачи и предмет мелиорации до последнего времени как-то мало были выявлены.

Можно сказать, что до последнего времени вся мелиорация в северо-черноземной области (да, пожалуй, и во всей вообще центрально-черноземной области) сводилась лишь к работам по улучшению существующ. водоснабжения населенных пунктов и к созданию новых водоемов на вновь организуемых поселках и хуторах. Мелиорации же чисто агрикультурного характера, в виде коренных *земельных* улучшений, за весьма ничтожными исключениями, совершенно почти здесь отсутствовали.

Причиной этому была малая изученность территорий в мелиоративном и водно-хозяйственном отношении, не позволявшая более глубоко подойти к выяснению возможных объектов мелиоративного воздействия на земельные угодья территории.

А между тем потребность в такого рода работах всегда давала о себе чувствовать и особенно в периоды засух и неурожаев, когда в различных комиссиях и совещаниях, организуемых в области по борьбе с последствиями неурожаев, неизменно выдвигался вопрос о необходимости принятия мер к регулированию *водного хозяйства* области. Но предлагаемые тогда меры были так распылены и так неопределенны, что практического осуществления в сколько-нибудь большом объеме они никогда не получали.

Нужен был какой-то твердый базис, на основании которого это дело могло стать твердо на ноги.

В этом отношении некоторый толчок делу был сделан экспедицией по исследованию источников главнейших рек Европейской России, проводившей в рассматриваемой нами области свои исследования с 1894 по 1900 год и наметившей некоторые пути в вопросе правильной постановки водного хозяйства в нашей области.

Значительно же больше ясности в этом деле дали предпринятые Тульским Губернским Земством сплошные гидрологические и мелиоративные исследования шести южных уездов ~~Тульской губернии~~, продолжавшиеся

около 6-ти лет (с 1907 по 1912 г.) и давшие громадный материал по выяснению современного состояния водных условий и водного хозяйства южно-тульского края, равно как и наметивших широкий план возможных мелиоративных мероприятий в целях улучшения сельского и водного хозяйства всего обследованного края, среди которых мероприятия мелиорации земельного характера выдвинулись в довольно ярком и даже совершенно новом виде. Из этого типа мелиораций видное место заняли *мероприятия по борьбе с размывом и смывом земельных угодий*.

Правда, борьба с *оврагами* велась в единичных случаях и раньше, но широкого размера она, однако, нигде не достигала. Причиной этому было— полная неизученность самого процесса оврагообразования, невыясненность его природы и динамики и весьма смутное представление у практиков овражного дела о самом „овраге“, следствием чего было бессистемное применение всевозможных способов борьбы с оврагом, в большинстве случаев не только неудачных с технической стороны, но и вообще неприменимых в условиях крестьянской обстановки.

Тульские исследования в этом отношении впервые не только осветили процесс оврагообразования с естественно-исторической стороны, но и наметили здесь те основные пути, по которым должна вестись в дальнейшем работа по выработке плана широких мероприятий по борьбе с размывом в условиях крестьянского хозяйства, при чем тогда же была и выдвинута мысль о необходимости скорейшей организации опытно-мелиоративного учреждения, которое, пользуясь основными выводами тульских работ, могло бы среди громадной массы существовавших дотоле приемов оврагоукрепления наметить наиболее рациональные и наиболее широко доступные для крестьянского хозяйства приемы, равно как указало бы наилучшие способы использования размытых и подвергающихся размыву земельных площадей.

Эта мысль о создании овражного опытно-мелиоративного учреждения, возникшая еще в 1911 году, могла осуществиться лишь после Октябрьской Революции, в 1921 году, когда Опытно-Мелиоративным Отделом Управления Мелиораций Наркомзема была пачата организация первой в РСФСР (да тогда первой и в СССР) опытно-овражной станции в Новосильском уезде Тульской (ныне Орловской) губернии, каковая станция, после некоторого организационного периода начала с весны 1923 года свою полевую работу.

Задачи, возлагавшиеся сначала на эту Новосильскую Опытно-Овражную Станцию, были не особенно широкими и заключались лишь: а) в изучении различных способов борьбы с оврагами, б) в изучении различных предохранительных мер против таковых и в) в изучении различных способов использования размываемых площадей.

Однако, уже первые годы работ означенного учреждения показали, что в той форме, в которой до настоящего времени велась и вообще мыслилась борьба с оврагами, эта последняя не только трудно выполнима и применима в условиях крестьянской обстановки, но и самая идея существовавших приемов борьбы с размывом являлась в большинстве случаев неправильной, а в некоторых—даже и вредной для развития земледельческой культуры в овражистых районах.

Главнейшей отрицательной стороной существовавших приемов борьбы с оврагами было то, что все они имели в основе своей не столько уничтожение коренной причины развития процесса размыва, сколько борьбу со следствием этого процесса.

Задавшись целью выяснить именно эти основные факторы образования оврагов и произведя в этом направлении ряд исследований и наблюдений, Новосильская Опытно-Овражная Станция получила в этом отношении ре-

зультаты, совершенно в полном виде осветившие картину явлений размыва и смыва и влияние основных факторов, с ними связанных.

Прежде всего исследованиями Станции была установлена прямая зависимость между растущими оврагами и большими водными струями, неизменно подтекающими в период половодья и во время ливней к тому пункту где находится данный овраг, и обратно,—отсутствие оврагов на тех площадях, где сток весенних и ливневых вод идет ровным, рассеянным слоем.

Это обстоятельство заставило обратить внимание на выяснение тех причин, которые вызывают образование на склоне больших сосредоточенных потоков и струй полей и ливневых вод и тех условий, которые могут способствовать превращению таких больших потоков в мелкие и рассеянные струйки, так как, выяснив именно эти условия, сам собой разрешилась бы задача полного прекращения роста оврага.

Изучение указанного рода вопросов натолкнуло на ряд таких явлений, которые ранее вообще ускользали от должного внимания и которые выдвинули на очередь разрешение таких вопросов, без чего нельзя обойтись при выработке плана широких мелиоративных мероприятий в северо-черноземной области.

Не приводя здесь подробно всех результатов, полученных Станцией в указанном выше отношении, укажем лишь главнейшие из таковых. По наблюдениям Станции выяснилось, что поверхностный сток полей и ливневых вод, совершающийся даже на довольно крутом, но *ровном* склоне, в виде рассеянного тонкого слоя, в общем мало вредит почве этого склона; но картина резко меняется, как только этот рассеянный, сплошной ток воды встречает на пути своем какие-либо вытянутые углубления, в виде, например, межи, борозды, колеи дороги, мелкой ложбины, или какое-либо препятствие, в виде выступающего над почвой рубежа или вала, какого бы направления они ни были. Дойдя до таких вытянутых и длинных углублений или препятствий, тотчас же этот рассеянный ток воды теряет свою сплошность и переходит в того или иного размера струю или ручей, начинающих течь по тому направлению, куда идет уклон данного углубления (межи, борозды, дороги, капавы, ложбины и т. д.) или препятствия (рубежа, вала).

Из этого видно, что все вообще наши границы землепользования (межи, рубежи, дороги и проч.) являются таким образом исходной причиной образования из сплошного и рассеянного тока воды больших струй и потоков, из соединения каких-либо друг с другом образуются на склоне *большие ручьи* полей и ливневых вод, каковые, подтекая к крутым берегам лощин и речных долины, и вызывают появление на них всевозможного рода овражных образований: рвов, промоин, вымоин и т. д.

Однако, только этим дело здесь не ограничивается: собираясь межами, бороздами и другими углублениями и препятствиями в большие потоки, сточные воды, переполнив эти „искусственные каналы“ в нижних частях „канализационной сети“, выливаются из них на окружающую площадь громадной струей и производят здесь сильный смыв почвы, часто сплошь унося ее, а нередко и смывая поверхность нижележащей подпочвы и подстилающего грунта. Процент такой смытой площади, обычно значительно превышает процент площади, занятой собственно оврагом.

Отсюда таким образом видно, что создаваемая нами на склонах искусственная сеть границ землепользования является причиной не только образования оврагов, но и причиной появления на склоне смытых бросовых площадей. Приняв же во внимание, что вместе со смывом почвы идет параллельно и вынос наиболее плодородных и ценных частиц почвы и растворимых в воде солей,—станет ясным, что эта же искусственная канализацион-

ная сеть границ землепользования, представляя собою весьма удобные пути для быстрого отвода со склонов поверхностных вод, а вместе с ними и питательных элементов почвы, является фактором постоянного иссушения и обеднения почвы склона.

Эти выводы Повосильской Опытной-Овражной Станции, как то видно, затрагивают такие вопросы, на которые до настоящего времени мало вообще обращали внимания, но которые, однако, имеют громадное значение для дальнейшего развития сельского хозяйства в нашей северо-черноземной области. В самом деле, если искусственная сеть границ землепользования (сеть межей, разъемных граничных борозд, рубежей и дорог) является как бы осушительною сетью, служащей для быстрого отвода с крутых склонов атмосферных осадков, то этого уже достаточно для того, чтобы ясно представить себе, какие поистине ужасные последствия непрерывного обесцвечивания земельных угодий влечет за собой из года в год непрерывно продолжающееся *дробление крестьянских наделов* и связанное с этим расширение и увеличение искусственной канализационной сети границ землепользования, постоянно иссушающей и обедняющей почвы крутых склонов. Если же к этому добавить, что при усиливающемся дроблении наделов у землепользователя является постоянное стремление наилучшим образом отделить свой загон (что делалось и делается обычно углублением плугом своей граничной полосы), то отсюда можно видеть, что с увеличивающимся дроблением наделов искусственная канализационная сеть становится все более и более „идеальнее“ не только количественно, но и качественно.

Но указанными выводами Станции коренным образом меняется и та основная идея, которая лежала в основе ведшихся доселе овраго-укрепительных мероприятий.

Действительно, сосредоточивая свое внимание и всю работу на „самом овраге“ и стремясь всякого рода приемами достигнуть здесь безвредного для грунта оврага прохода больших потоков и ручьев полых и ливневых вод и забывая в то же время, что эти большие потоки, пройдя через овраг, могут ниже его где-то соединиться с другими такими же потоками и образовывать из себя потоки такой силы, с которыми уже не в состоянии будут справиться никакие обычного типа оврагоукрепительные сооружения,—практики овражного дела своими сооружениями на оврагах бессознательно дополняют сооружаемую крестьянами (также бессознательно) искусственную канализационную сеть границ землепользования, давая этой сети „окончательное оформление“ в пизовых „конечных“ ее пунктах. Выражаясь техническим языком гидротехников, сеть границ землепользования является рабочей канализационной сетью водоотводных каналов 1-го и 2-го порядка, оврагоукрепительные же сооружения—гидротехническими сооружениями на главных магистральных водоотводных каналах“.

Можно видеть, что конечная цель таких сооружений в общем та же, что и канализационной сети границ землепользования, а именно: „возможно скорее и возможно полнее отвести со склонов в реки драгоценную для земледелия влагу и ценнейшие для него же частицы почвы и соли“.

Не требует пояснения, насколько нерациональна и неприемлема для земледельческой культуры такая идея приемов борьбы с размывом.

Основная же мысль, выдвигаемая Повосильской Опытной-Овражной Станцией в борьбе с размывом, совершенно иная.

Если, выражаясь образно, существующие приемы борьбы с оврагами преследуют цель: „дать возможность врагу (водным потокам) пройти через свои владения, не думая о том, что этот враг, соединясь затем с другими своими союзниками, принесет громадный ущерб каким-то другим владениям“,

то цель приемов Станции будет: „разбить врага по частям (разбить большие потоки на мелкие струйки) в пределах своего же владения и притом не только разбить, но и заставить служить его в нашу пользу“ (увлажнять почву, сохранять плодородие).

Как же все это можно практически осуществить.

Новосильская Опытно-Овражная Станция, задавшись целью изучения этого вопроса, прежде всего обратила внимание на выяснение тех приемов, которые могли бы парализовать капализирующее влияние существующих границ землепользования, и в этом отношении ею был указан целый ряд практических мероприятий, могущих свести на—нет это вредное влияние границ землепользования на сток поверхностных вод. Среди таких мероприятий можно указать, например, на частую перекопку меж и раз'емных борозд, частую прокопку рубежей, устройство „сбросовых“ дорожных лотков, сбросовых валиков по ложбинам и др.

Но на этом работы Станции не остановились. Необходимо было углубить этот вопрос и наметить хотя бы ориентировочно те пути, по которым должна идти здесь вообще мелиоративная работа для *полного регулирования стока поверхностных вод*, для возможно полного их использования для сельского и водного хозяйства.

Основная мысль таких работ Станции заключалась в изыскании таких приемов, которые возможно больше задерживали бы атмосферную воду на склоне, а стекающую воду заставляли бы проходить по склону без вреда для поверхности этого склона.

Задания эти выдвинули необходимость изучения ряда различного рода мероприятий агрономического, гидротехнического и лесоводственного характера, имеющих целью правильное водорегулирование на *крутых склонах* и могущих быть названными общим именем *«мелиораций крутых склонов»*.

Не перечисляя всех возможных здесь операций, укажем лишь главные, на которых остановилась в своих работах Новосильская Опытно-Овражная Станция:

I. Работы по снегорегулированию.

Равномерное распределение снежного покрова на больших площадях, по поверхности различных склонов, предупреждение сдувания снега в одних местах и надувание его в других.

Борьба со снежными запасами путем частичного и сплошного перехвата снежных потоков.

II. Работы по водозадержанию.

а) Задержание воды на склонах различного рода искусственными препятствиями (валиками, зяпрудами, канавами, прерывистыми бороздами и проч.).

б) Задержание воды на поверхности путем различного рода специальных приемов обработки почв.

в) Задержание снеговой воды различного рода приемами, способствующими меньшему промерзанию почвы зимою и большему просачиванию талой воды в почву весной (работы по борьбе с промерзанием почвы).

г) Борьба с испарением воды почвой.

(Две последних группы работ относятся к типу так называемых «ветрозащитных работ»).

III. Работы по регулированию стока поверхностных вод.

- а) Распыление струй (борьба с канализирующим влиянием сети границ землепользования).
- б) Борьба со смывом почвы (плоскодержательные луговые полосы).

IV. Работы по изучению коренных улучшений бросовых смытых площадей, размытых лощин и суходолов, занесенных (огражденными выносами) угодий, работы по использованию крутых высоких и каменистых берегов лощин, суходолов и речных долин.

Необходимо здесь указать, что большая часть вышеперечисленных мелиоративных работ связана с такими вопросами, которые весьма мало затронуты научно-исследовательским изучением.

Это обстоятельство не может, конечно, служить основанием для того, чтобы опытное исследование этих приемов было отложено „в долгий ящик“, ибо если и теперь все еще спокойно смотрят на бесполезный и губительный сток почти всей снеговой воды, составляющей в среднем до $\frac{1}{3}$ годового количества атмосферных осадков (а в некоторые годы и превышающей этот процент), если теперь как-то мало думают о тех убытках, которые приносит сточная вода земледелию, унося с собой не только громадный запас водной пищи растения, но и громадную массу ценных для культур частиц и солей почвы¹⁾, то настанет, несомненно, время и, может быть, даже очень скоро, когда, воочию увидев, к чему привело неурегулированное землепользование в районах с крутым рельефом, неминуемо станут изыскивать меры к предотвращению надвинувшегося бедствия и будут с большими затратами исправлять то, что ранее можно было сделать и дешевле, и проще.

Поэтому чем скорее будет создана необходимость принятия мер к правильному водорегулированию в районах с крутым рельефом, чем скорее будет приступлено к всестороннему изучению мелиораций крутых склонов,—тем лучше будет для общего дела сохранения и повышения производительных сил тех районов, где развиты эти крутые склоны.

Какой же процент всей площади нашей северо-черноземной области составляют такие районы с крутыми склонами, и насколько обширен район возможного применения указанных мелиораций крутых склонов?

В этом отношении мы имеем весьма точные данные Тульской Гидрологической Экспедиции, которая для шести обследованных ею южных уездов Тульской губернии определяет процент площади, занятой крутыми склонами (считая таковыми склоны с средним падением от 5 до 10 и выше сажен на версту) цифрой от 60 до 70 %/о всей площади этих уездов.

Так как рельеф южных уездов Тульской губернии является типичным для всей почти северо-черноземной области, то можно без большой погрешности принять, что крутые склоны рассматриваемой области составляют во всяком случае половину всей площади области. Отсюда, следовательно, видно, что половина северо-черноземной области нуждается в применении к ней особых приемов мелиоративного воздействия для предотвращения тех вредных явлений, которые вызывает здесь интенсивный сток полей и ливневых вод, и который из года в год здесь усиливается, благодаря прогрессивному увеличению канализационной сети границ землепользования, что в итоге ведет к постоянному иссушению почвы склонов в самый важный для земледелия весенний период, к постоянно увеличивающемуся смыву плодород-

¹⁾ По вычислениям американцев, для одних только Северо-Американских Соединенных Штатов убытки от смыва почвы выражаются ежегодно в сумме до 200 миллионов рублей.

нейших частиц почвы (ила), к непрерывному оголению от почвенного покрова подножий склонов, к прогрессивному размыву пахотных и луговых угодий, запосу овражными выносами ценных земель, к обмелению рек, иссяканию грунтовых вод, родников и к другим отрицательным для народного хозяйства явлениям.

Если теперь обратить внимание на высотную (гипсометрическую) карту нашей северо-черноземной области, то можно будет усмотреть, что большая часть ее занята так называемой „средне-русской возвышенностью“, характеризующейся весьма большими абсолютными высотами (над уровнем моря) своей поверхности, резко выделяющими эту местность среди остальных, более низких, местностей средней Европейской России. В северо-черноземной области берут начало многие главнейшие реки Европейской России (Дон, Ока) и их главные большие притоки, почему эта область может быть с полным правом названа областью истоков рек.

Уже самое название „средне-русская возвышенность“ вызывает представление о каком-то гористом рельефе. И действительно, вся почти область представляет собою местности с резко выраженным рельефом, рассеченные глубокими древними лощинами, суходолами (балками) и речными долинами, в некоторых местах представляющие типичные горные ландшафты. (Да как таковым здесь и не быть, когда разность высот водоразделов и речных долин нередко достигает здесь 60-ти сажен на расстоянии каких-либо двух-трех верст)!

Если ко всему этому принять во внимание указанные выше цифры процента площадей с крутыми склонами, то придется признать, что в данном случае мы имеем дело с областью, на половину представленную местностями с гористым рельефом. А раз это так, то в таких гористых частях области не могут быть полностью применимы те приемы обработок почвы и те способы землепользования, которые присущи лишь местностям с пологим степенным рельефом.

Если никто не будет сомневаться, что в типичных горных местностях такие приемы в течение весьма короткого времени могут превратить весь склон в голые скалы, то в наших гористых районах области до этого, конечно, дело сразу не дойдет, тем не менее ненормальные для данной местности способы землепользования, применяясь из года в год весьма продолжительное время, могут также повести к весьма пагубным последствиям, что мы теперь уже и начинаем видеть во многих местах.

Приняв во внимание имеющиеся здесь всегда налицо весьма благоприятные условия для развития интенсивных процессов смыва, размыва, иссушения и обеднения земель, которые тесно связаны с прогрессивным и бессознательным увеличением отводящей воду и иссушающей поверхности искусственной канализационной сети границ землепользования, — не станет ли нам после этого ясно связь между основным характером рельефа нашей области и ее *оскудением*?

Можно с большой вероятностью сказать, что одной из причин так называемого „оскудения центра“ являются именно эти ненормальные условия землепользования в этой наполовину гористой области, поведшие, благодаря безудержному дроблению наделов, беспощадной вырубке лесов, распашке крутых склонов, к обеднению ее почвы и оскудению многих других даров ее природы.

Принять здесь меры противодействия всем выше перечисленным пагубным для хозяйства явлениям необходимо незамедлительно, как бы с первого взгляда ни показались эти меры сложными и новыми. В противном случае могут свестись на-нет много других мероприятий, применяемых нами для восстановления сельского хозяйства данной области. В самом деле, разве можно

будет считать рациональным применение, например, мероприятий по борьбе с засухой, когда одновременно постоянно существует и постоянно усиливается основной фактор иссушения почвы склонов—канализационная сеть границ землепользования, по которой ежегодно отводится со склонов в овраги и реки почти вся снеговая вода? Могут ли вполне достигать своей цели? различного рода агрономические мероприятия, в роде улучшенной обработки почвы, внесения удобрений и т. п., когда одним ливнем или поллой водой одной дружной весны все эти воздействия на почву будут сведены к пулю¹⁾?

Ясно, что, вводя все эти агрономические улучшения в местностях с крутым рельефом, необходимо одновременно принимать и такие меры, которые могли бы „задержать на месте“ эти агрономические воздействия на почву крутых склонов.

Выше перечисленные типы мелиораций крутых склонов и являются именно теми мерами, которые преследуют эту последнюю цель.

Правда, многие из них находятся еще в первой стадии опытного изучения. Но это обстоятельство заставляет лишь усилить и ускорить опытно-исследовательскую работу по их изучению, дабы скорее ввести их в практическую жизнь.

Не останавливаясь здесь на перечислении различного рода других мелиораций, применимых в данной области, из коих некоторые, как, например, мелиорация плодовых садов, в виде их орошения и увлажнения, мелиорация речных пойм, в виде орошения пойменных огородов и лугов, подвергаются опытно-исследовательской работе на Новосильской Опытной Овражной Станции; остальные же, в роде, например, иссушения сырых лоцинных и долинных лугов, использования бросовых земель из-под торфяных разработок, мелиораций прудового водопользования и др.,—ждут пока опытной разработки, —нельзя здесь обойти молчанием особого типа мелиорации, нигде еще практически здесь не осуществлявшейся и выдвинутой работами Гидрологической Экспедиции б. Тульского Губернского Земства, каковой вид мелиорации при его осуществлении сулит дать большие практические результаты как для сельского, так и для водного хозяйства многих районов северо-черноземной области. Здесь имеется в виду мелиорация гидрогеологических условий, в виде увеличения водообилия глубоких водоносных пластов, питающих реки, ключи и колодцы так называемых провальных (карстовых) районов нашей области.

Мелиорация эта неразрывно связана с особым рода «провальными образованиями», широко развитыми во всех южных уездах Тульской губернии, во многих уездах Орловской, Рязанской и Тамбовской губерний, входящих в черту северо-черноземной области.

Являясь громадными поглотителями снеговых, ливневых и дождевых вод, текущих по лощинам и идущих затем (после их поглощения) на пополнение тех глубоких водоносных горизонтов, которыми питаются здесь большая часть рек и приречных ключей и колодцев и все почти буровые колодцы провальных районов области, —эти же самые провальные образования (провальные воронки, провалы долин и т. д.) являются в то же самое время *предохранительными резервуарами*, препятствующими поллой и ливневой воде производить свое разрушающее действие на ниже лежащие лоцинные луга и долины, предотвращая появление здесь оврагов и занос угдий овражными выносами.

Исследования Тульской Экспедиции обнаружили прямую зависимость между количеством „действующих“ (поглощающих воду) провалов и водо-

¹⁾ По наблюдениям Станции полыми водами 1926 года смывалась с полей почва с находившимися на ней овыми всходами.

обилием ключей, ручьев и рек соответствующего района. При этом было установлено, что в настоящее время общее число „действующих“ провалов в три и даже четыре раза меньше числа провалов заиленных, т. е. таких, которые когда-то ранее были действующими и поглощали воду, а затем заилились илом, спосимым с пахотных полей.

Отсюда становится ясным, что если все эти заиленные провалы перевести теми или иными способами в действующий вид (что, например, можно достигнуть их расчисткой и соответствующими мероприятиями по предохранению расширенных провалов от заиления),—то мы будем в состоянии в то же количество раз увеличить водоносность рек и ручьев района, водоносность (расход) ключей и ключевых колодцев, уровень же водоносного пласта, питающего эти реки и ключи, значительно повысить, результатом чего будет, с одной стороны, удлинение всей речной и ручьевой сети и повышение уровня истоков рек, а с другой стороны—расширение районов эксплуатации этого водоносного горизонта простыми копаными колодцами, для буровых же колодцев на водоразделах—уменьшение их глубины. Кроме того, одновременно с этим путем такой сплошной расчистки заиленных провалов уменьшится в несколько раз сила весенних и ливневых паводков провальных районов, уменьшится то же число раз их размывающая сила и все связанные с этим явления.

Как видно из вышесказанного, „провальная мелиорация“, как и описанная ранее „мелиорация крутых склонов“, в случае широкого ее применения явится могучим фактором восстановления производительных сил нашей оскудевающей северо-черноземной области. Поэтому на этого рода мелиорацию (намечаемую в ближайшее время к опытной разработке на одном из опорных пунктов Новосильской Опытной-Овражной Станции) должно быть обращено должное внимание, и она должна возможно скорее быть практически осуществлена, тем более, что операции, с ней связанные, подобно операциям, связанным с мелиорациями крутых склонов, весьма несложны и могут быть в широких размерах применены в практике.

Необходимо в данном случае лишь сознать важность этого дела и признать тот факт, что дальнейшее промедление с изучением и проведением в жизнь указанных выше мелиораций будет способствовать лишь дальнейшему обезцениванию и уничтожению наших земельных угодий и понижению природных производительных сил нашей области, с чем неизменно будет связано и дальнейшее ее оскудение.

В. Н. Лясковский.

Пределы полеводства в зависимости от уклона почвы.

Достаточно самого поверхностного взгляда на поля средней России, чтобы видеть величайший вред, причиненный этим полям распашкою склопов. Вызванные ею повсеместные размывы обратили в бесплодные глиняные и песчаные бугры прежде плодородные черноземные участки и образовали целые новые овраги, расширив площадь уже существовавших и окружив их сетью все возрастающих водороев. Страшно подсчитать, страшно подумать, какая в общем огромная площадь годной к обработке земли изъята этим путем из народного пользования и навсегда погибла для полеводства. Дальнейшее образование и расширение оврагов и водороев, конечно, может и должно быть остановлено; но уничтоженных полей не вернуть никакими ухищрениями: они исчезли безвозвратно.

Расширение крестьянского землепользования за последнее трехлетие, без одновременного закрепления бугров, грозит остаться полумерою, чтобы не сказать—паллиативом: направление внимания каждого отдельного земледельца и всех их, вместе взятых, на увеличение, а не на улучшение посевной площади заслопает в народном сознании причину следствием, корень болезни—ее проявлением. Требовать ото всех разумного и сознательного отношения к вопросу в данное время вряд ли возможно, а потому дело это должно быть взято в руки подлежащими учреждениями и государством.

Цель настоящей заметки—не описание способов борьбы с оврагами: на это есть прекрасные и удобопонятные специальные руководства (как, например, книжечка Э. Э. Керна „Овраги“, их закрепление, облесение и запруживание—3 е изд., Т-во Кушнерев, Москва, 1897). Мы попытаемся на этот раз, не входя в подробности мер *исправительных*, а касаясь их, лишь поскольку это необходимо для нашей ближайшей цели, изложить общий план и некоторые важнейшие частности мер *предупредительных*, т. е. тех способов, коими в каждом отдельном случае возможно обеспечить сохранение в неприкосновенности посевной площади и, предотвратив ее смыв и размыв, способствовать в будущем ее улучшению и возвышению ее производительности.

Практическое и теоретическое, ежедневное и постоянное признание крестьянством хлеба важнейшим произведением и целью сельского хозяйства вело и ведет к тому, что каждый отдельный хозяин и каждое сельское общество, за редкими исключениями, обращают под полеводство возможно большую площадь находящейся в их распоряжении земли. В основании нельзя не признать такой взгляд верным; но рождается вопрос: верна ли в каждом отдельном случае оценка *годности* участков полевой площади для посева именно зерновых и корнеплодных растений, требующих ежегодной распашки. Не следует ли, напротив, признать, что, выделив менее удобную для пахоты часть своей земли под иные растения—под луга и лес,—земледелец не потеряет, а выиграет, и при том не в смысле только охраны этой земли от порчи в далеком будущем, а и в ближайшее время—не понижая, а поднимая общую ее производительность.

Каждый обрабатываемый участок берет определенные количества труда и семян: количества эти для данной местности представляют собою почти постоянные величины, не зависящие от степени плодородия участка, ибо семя на плохую землю идет столько же, сколько и на хорошую, а работы—скорее больше, чем меньше. Поэтому чем хуже земля, тем больше тратится на нее добра и усилий, так сказать, *даром*—непроизводительно; и потому есть земли, которых обрабатывать *не стоит*. Но это не значит, что их надо забросить: это значит только, что вместо хлеба или картофеля их надо занять чем-нибудь другим, а именно, как мы уже упомянули, травой и лесом, после чего они будут давать больше, чем давали бы произведениями полеводства. Какие же это земли? В черноземной полосе (о которой мы главным образом и говорим) это—более или менее крутые склоны. Указать в точности предел уклона, дальше которого не должна идти распашка, раз навсегда—трудно, если не невозможно, ибо он зависит не только от крутизны склона, но и от его направления, от состава почвы и подпочвы. Каждый внимательный хозяин может почти безошибочно определить, до какого уклона, *при обеспечении от размыва крутого края поля*, пахота безопасна от образования до ней водороев. Пока это так,—можно пахать; как только возможны хотя бы небольшие промоины вдоль склона,—пахать уже не следует. Таков разумный предел. Но мы только что сказали: при обеспечении от размыва крутого края. Без этого условия и на меньшем уклоне образуются водороены.

Итак, общий план защиты полей от размыва таков: где полевая земля спускается небольшим и ровным уклоном, достаточно низы засеять травой, которая даст сеном больше, чем дала бы хлебом постепенно размываемая пашня. Крутой склон необходимо засадить лесом или хотя бы несколькими рядами выносливых деревьев (хотя бы ракит). По границе с пашней, на переломе склона, желательнее посадить ряд кустов (лучше всего желтой акации), к которому зимою будет приметаться снег, а весною—примываться земля, постепенно выравнивая поле. Таков самый общий, самый желательный порядок исправления склонов. Небольшое сравнительно сокращение полеводства вознаграждается при нем сеном, дровами и поделочною древесиною—тем, в чем так нуждается наша деревня.

Мы намеренно не прерывали предыдущего изложения цифрами и примерами. Теперь, как наглядный пример, позволим себе вкратце описать, с приведением нескольких цифр, небольшое хозяйство Орловского уезда, в 7 верстах к западу от г. Орла, при селе Дмитровском, где в течение тридцати с лишним лет делались лесные посадки с постоянною целью улучшения прилегающих к ним полей в вышеуказанном отношении.

Полевая земля села Дмитровского, во время ведения на ней помянутого хозяйства, состояла из 90 десятин в девятипольном севообороте, по 10 десятин в поле. Земля эта окружена несколькими логами, впадающими в речку Сухую Орлицу. Почва—темнокоричневая лесная земля (в просторечии чернозем) на красной глине. Первоначально был небольшой участок старого леса. Затем весь крутой склон к реке и все наиболее крутые склоны логов засажены лесом, менее крутые склоны и все водотеки, даже по полям, обращены в луга. Наблюдения над этими лесонасаждениями дали нижеподписавшемуся сведения и опыт для составления руководства „Посадка деревьев в средней полосе России“—(2 с изд. Т-во „Агроном“, Москва, 1913). Под полеводством оставлены были только помянутые 90 десятин почти ровной и совсем не размываемой земли. Подроставший лес, при прочистках, давал все необходимое для хозяйства, топливо и поделочный материал; запущенные под луга склоны доставляли значительное подспорье травосеянию. Что касается самого полеводства, то, чтобы судить о воздействии на него помянутого отбора земли, полезно сравнить его с двумя соседними хозяйствами—при деревне Никуличах и при хуторе Похвисневе: первое немного меньше, второе немного больше Дмитровского. Тридцать пять лет тому назад эти два, старых и ухоженных, хозяйства стояли значительно выше Дмитровского, тогда совершенно запущенного. Они с тех пор и оставались в прежнем виде, и никаких посадок и залужений в них не делалось. Между тем в Дмитровском были произведены описанные выше работы. Если даже принять во внимание непосредственное улучшение полеводства, то необходимо признать, что достигнутые результаты не могут быть объяснены им одним, записаны целиком на его счет, ибо к 1915 году, когда были закончены все посадки и засева водотеков травой, урожайность десятины ржи дошла до 130 пудов, пшеницы—до 175 пудов сортированного зерна—цифр, ни разу не достигнутых в двух помянутых соседних хозяйствах, да и вообще в этой части Орловского уезда. Такую высокую производительность земли позволительно считать прямым следствием сужения границ полеводства, уравнивания снежного покрова и охраны склонов.

В. Ф. Сопычев

Паводки и весеннее половодье реки Зуши 1925 г.

Весеннее половодье рек, мало известное в странах Западной Европы, у нас бывает ежегодно и представляется ярким и могущественным явлением в условиях русской природы. Передко случается, что вода, достигнув наивысшего под'ема, выливается из берегов, затопляет луга, села, угрожает бедствиями городам, прекращает всякое сообщение между соседними селениями, уносит постройки и пр., и в то же время создается хороший путь для весеннего судоходства и сплава, а по спаде паводок оставляет хорошее удобрение на прибрежных заливных лугах и огородах¹⁾.

Помимо весенних разливов рек, бывают разливы—паводки и в остальные времена года от ливней и затяжных дождей, и хотя под'емы уровня воды и меньше весеннего, но все же причиняют немало убытков разрушением мельничных плотин, мостов и других сооружений. В хозяйственной жизни страны реки имеют огромное значение, как для судоходства, сплава, земледелия, для водных силовых установок, гидротехнических сооружений (мельниц, мостов, плотин, шлюзов, гидроэлектрических станций) и др. Поэтому изучение явлений режима наших рек в течение целого ряда лет, кроме большого научного интереса, существенно и для практических целей.

Жизнь нашей реки Зуши также необходимо изучить, так как она в нашем крае имеет большое экономическое значение. На ней расположено много мельниц, а в городе Мценске и электростанция.

Лет 60 тому назад по р. Зуше совершалось судоходство (баржи); теперь, только в связи с проведением Московско-Курской железной дороги и обмелением ее,²⁾ она потеряла в этом свое значение.

В периоды же разливов она приостанавливает работу мельниц, электростанция, заливая несчаные нереливные речные мосты и прерывает связь на несколько недель между городом и деревнями, да и между двумя частями города надолго нарушается нормальная связь вследствие отсутствия моста, до которого не доходила бы вода в самые высокие весенние разливы реки. Попытка изучения режима реки Зуши в пределах Мценска предпринята местными краеведами с 1924 года.

Желательно было бы это изучение распространить и на пределы всего Мценского края, и не только р. Зуши, но и ее притоков.

В подтверждение необходимости изучения р. Зуши, хотя бы для предсказания ее разливов, в целях предупреждения населения и припятия тех или иных мер охраны речных сооружений при неожиданных разливах, можно сказать, что, например, в 1925 году поднятие уровня воды в р. Зуше наблюдалось 7 раз, и при этом отмечались случаи разрушительной деятельности воды³⁾.

¹⁾ За счет тех полей на буграх, откуда водные потоки смыли и почву, и удобрение (В. Хитрово)

²⁾ После уничтожения лесов и после распашки крутых склонов земный занос снеговой воды стечает слишком бурно и засоряет русло переносами—(В. Х.)

³⁾ Зима 1924/5 года, как помнят читатели, отличалась слабым и непостоянным снеговым покровом и постоянно повторявшимися оттепелями.—(В. Х.)

Так: а) 5 января вода в р. Зуше поднялась на высоту 3,55 метра вследствие сильного таяния снега и выпавшего дождя. Весь снег с полей стаял. 9 января вода вошла в нормальное состояние. Речной мост был залит водой, мельница и электро-станция не работали.

б) В пятницу, 20 февраля, с утра вода в р. Зуше начала подниматься вследствие сильного таяния снега (оттепель), выпавшего в ночь с 19 на 20 февраля. Утром 21 февраля (суббота) вода достигла наивысшего под'ема 2,84 метра. Мост был залит водой, мельницы и электро-станция вынуждены прекратить работу; 21 февраля часов с 7 утра вода начала спадать. Все последующие дни вода держалась выше обычного меженного уровня.

в) 2 марта (понедельник) вода в р. Зуше вновь начала прибывать вследствие сильной оттепели и выпавших дождей.

В ночь с 2-го на 3-е марта вода затопила речной мост. 3 марта с полудня тронулся лед и шел 4-го марта. В ночь с 3-го на 4-е марта вода достигла наибольшей высоты 11,7 метра (5,48 саж).

С утра 4 марта вода начала медленно спадать, вследствие наступивших морозов, установившихся с вечера 3-го марта. Если бы указанных морозов не было, или наступление их последовало позднее, то весьма возможно, что река вышла бы из низких берегов. В ночь с 5-го на 6-е марта мельница и электро-станция не работали.

г) 7-го марта (суббота) вечером вода в р. Зуше начала вновь прибывать и 8 марта с 10 часов утра начала заливать речной мост. 9-го марта с утра до полудня шел лед, и к вечеру 9 марта вода достигла наибольшей высоты 8,26 метра (3,88 саж). В ночь с 9-го на 10-е марта вода начала убывать, но и в последующие дни держалась выше обычного меженного уровня. Этот под'ем воды произошел вследствие наступившей оттепели, вызвавшей сильное таяние снега, выпавшего с 3-го по 6-е марта, и дождя.

д) 23 марта вода в р. Зуше вновь начала прибывать. В ночь на 24-е марта залила речной мост, достигнув наивысшего стояния 2,13 метра (1 саж.). С утра же 24 марта вода начала медленно спадать. Этот под'ем воды вызван усиленным таянием снега в оврагах и возможно шедшими где-либо дождями.

е) В ночь с 14 на 15 июля вода в р. Зуше поднялась на 2,58 метра против обычного меженного уровня, затопив речной мост. Под'ем воды образовался вследствие сильных дождей, имевших место не только в Мценском крае (14/VII), но и далее. 15 июля после полудня вода начала убывать.

ж) В ночь с 27 ноября (пятница) на 28 ноября (суббота) вода в р. Зуше начала прибывать вследствие сильного таяния выпавшего 26 и 27 ноября снега и дождя и к 11 часам утра 28 ноября достигла наибольшей высоты 2,62 метра, а затем вследствие наступившего мороза начало убывать.

У д. Ядренки, около имения б. Куроедова, спесен мост через р. Зушу, сорваны лавы у городской мельницы во Мценске, а также лавы и речной мост на Крицынской мельнице близ д. Крицыно (на речке Черни при впадении ее в р. Зушу).

ИЗ РАБОТ КРАЕВЕДОВ.

З. И. Израэльсон и В. В. Петиков

„Алкоголь в быту рабочих кожевников Орловской губернии“.

„Алкогольная проблема“, вновь ставшая в последнее время вопросом дня, несмотря на наличие обширной литературы, потребовала проведения специального изучения в условиях Орловской губернии.

Необходимость определения размеров и форм потребления алкоголя и наметание мероприятий по борьбе со все более и более проникающим в массу рабочих употреблением спиртных напитков делала проведение подобного изучения не только желательным, но необходимым.

Поэтому проведенным в 1926 году обследованием среди рабочих кожевничьей промышленности Орловской губернии (а она составляет довольно значительную величину по числу занятых рабочих среди всех промышленных рабочих губернии) в первую очередь выяснялись вопросы, касающиеся установления размеров охвата рабочей массы пристрастием к спиртным напиткам, влияния потребления на различные стороны труда и быта рабочих, связь алкоголизма настоящего времени с довоенным и, наконец, пути борьбы с алкоголизмом, рекомендуемые самими рабочими.

Обследование проводилось анкетным способом, при чем анкеты были анонимны, и сведения собирались с сохранением полной „конспирации“. Запечатанными в конвертах они опускались в особо установленные ящики.

Как мы говорили выше, обследованием были охвачены наиболее крупные в губернии предприятия кожевничьего производства, а именно: Болховской госкожзавод, с числом рабочих 625 человек, Елецкий госкожзавод и посадная мастерская, с числом рабочих 550 человек, и обувно-посадная фабрика имени Коминтерна в г. Орле с 450 чел. рабочих—в общей сложности более 1200 человек. Из распространенных среди них анкет обратно поступило 732 анкеты, при чем в разработку вошло только 635 анкет, а 97 анкет было забраковано вследствие небрежного заполнения, не достаточно серьезного отношения к обследованию и т. п.

На основной вопрос анкеты о потреблении спиртных напитков из 635 человек ответило утвердительно 574 человека или 82% и отрицательно 169 человек или 18%.

По предприятиям обследованные рабочие распределяются:

Наименование предприятия.	Опрошено рабочих.	Из них ответили утвердительно.	
		Абсолютное число.	%/о/о
Болховской Госкожзавод	381	325	85,0
Елецкий Госкожзавод	209	171	81,0
Обувно-посадочная фабрика в г. Орле	103	68	66,0
Итого	693	574	82,0

Приведенные данные позволяют установить, что одним из факторов, действующих в смысле содействия развитию склонности рабочих к алкоголю, является расположение кожевенных заводов в небольших городах губернии, где отсутствуют культурные развлечения. Так, в г. Орле, губернском центре, из числа обследованных кожевников потребляют спиртные напитки 66%, в то время, как в г. Болхове, небольшом городе, не имеющем даже железно-дорожной связи, этот процент повышается до 85%.

Каков же современный алкоголизм?

Если мы обратимся к возрастному составу пьющих рабочих и ко времени начала ими потребления спиртных напитков, то получим следующую картину:

	Всего опрошено пьющих.	Из них в возрасте:				
		до 18 л.	18-25.	26-35.	36-45.	46 и более.
Абсолютное число	574	2	74	182	175	141
%	100	0,4	12,9	31,7	30,5	24,5

Таким образом мы можем установить, что пьянство возрастает от более молодых возрастов к более старым, достигая максимальных цифр для возрастной группы 26-45 лет. % молодежи относительно не велик.

Все это делает позволительным считать, что главная масса рабочих сохранила свою привычку пить с довоенного времени. Паличие пьющей молодежи может быть объяснено товарищеским подражанием более старым рабочим (об этом мы укажем ниже).

По вопросу о возрасте начала потребления алкоголя полученные цифры дают следующую картину:

Наименование предприятия.	Всего рабочих, давших ответы.	Из них начали пить:			
		До 20 лет.		После 20 лет.	
		Абсолютное число.	%	Абсолютное число.	%
Болховской кожзавод . . .	285	221	78,0	64	22,0
Елецкий кожзавод . . .	155	115	74,0	40	26,0
Обувно-посадочная фабрика в г. Орле	47	31	66,0	16	34,0
Итого	487	367	76,0	120	24,0

Иными словами-современные нам пьющие рабочие в среднем в 76,0% случаев начали употреблять алкоголь в возрасте ранее 20 лет. По данным дореволюционных авторов (например, обследования Ярославского убежища для алкоголиков) выявлено, что число мужчин, начавших пить ранее 20 летнего возраста, определялось показателем 53,7%, пьющих же с 15-24 лет—

79,3 о/о, т.е. показатели 1926 года говорят, примерно, о тех же средних годах жизни, когда юноша впервые обращается к вину.

Наши цифры неутешительны еще потому, что цитированные дореволюционные данные относятся к привычным алкоголикам—обитателям убежища.

Каковы же размеры потребления алкоголя рабочим кожевником?

В наших анкетах вопросы ставились таким образом, что всех ответивших можно разбить на три группы: пьющих запоем, пьющих ежедневно (привычные пьяницы) и пьющих случайно. Две последних группы подразделяются в свою очередь еще на три категории: пьющие много, умеренно и мало.

Данные таковы:

ПРЕДПРИЯТИЯ	Всего пьющих.	И з в е с т н ы е								
		Запоём.	Е ж е д н е в н о,				С л у ч а й н о.			
			В с е г о.	В т о м ч и с л е:			В с е г о.	В т о м ч и с л е:		
				М н о г о.	У м е р е н. н о.	М а л о.		М н о г о.	У м е р е н. н о.	М а л о.
Болховской кожзавод	325	6	33	2	28	3	286	52	91	143
Елецкий кожзавод	171	3	15	5	9	1	153	21	47	85
Обувно-посадная фабрика в г. Орле .	68	3	7	—	—	5	58	6	10	42
Итого	574	12	55	7	39	9	497	79	148	270
°/о °/о	100,0	2,0		9,7				88,3		

Таким образом из общего числа пьющих рабочих подавляющее большинство—случайные пьяницы.

Причины, вызывающие эту случайность, нами изучены и сведены в целый ряд групп. Правда, ответы на вопрос о причинах, побудивших начать потребление алкоголя, довольно трудны для каждого рабочего в отдельности, и все же, даже учитывая эту трудность и возможность поверхностных объяснений своих поступков, показания самих рабочих представляют существенный интерес. К тому же поставленный в анкете вопрос не предreshал ответа, т. е. не давалось для него определенных формул.

ПРЕДПРИЯТИЯ.	Всего ответв-ших.	Из них начали пить вследствие:								
		Нужды.	Тяжести ра-боты.	Домашних условий.	Влияния.		Развлеченя.	Военного при-ыва.	Несоциаль-ности.	Проче при-чины.
					Товарищей.	Родителей.				
Болховской кожда-вод	325	7	45	6	49	8	20	10	14	166
Елецкий кождавод	164	5	7	2	50	3	16	10	9	66
Обувно-посадная фабрика в г. Орле	68	7	1	—	15	2	2	—	2	5
Итого . . .	557	19	53	8	114	13	38	20	25	237
°/о °/о	100,0	3,0	6,9	1,4	20,6	2,3	7,0	3,2	4,5	48,4

Объединяя причины в более обширные группы, мы имеем возможность установить следующее: 1) по причине материальной необеспеченности и тяжести труда обратилось к алкоголю 14,4% рабочих; 2) нездоровые бытовые условия (вызвавшие отрицательное влияние товарищей и родителей) и в частности отсутствие культурных развлечений—явились причиной раннего начала потребления алкоголя для 37,6% рабочих.

Оздоровление быта, происходящее не только при помощи улучшения экономических условий той или иной группы рабочих, но и путем действительной борьбы с невежеством и безграмотностью, в самом широком смысле должно быть признано могучим орудием в борьбе с алкоголизмом.

Существенным вопросом всей проблемы алкоголизма должен считаться размер затрат рабочих на приобретение спиртных напитков, так как этими затратами подчас нарушается бюджет их. Обследованием выявлено, что затраты выражаются:

Средний размер за-работка в месяц.	Средняя затрата на спиртные напитки.	% затраты к зар-плате
До 25 руб.	2 р. 10 к.	10,5
„ 38 руб.	3 р. 50 к.	9,0
„ 63 руб.	3 р. 20 к.	5,0
„ 88 руб.	3 р. —	3,4

т. е. чем выше заработок, тем ниже относительно затрата на спиртные напитки.

Но, несмотря на то, что высший % затрат не превышает 10 %, все же среди опрошенных рабочих довольно значительная группа прибегает к займам, продаже вещей и проч. для изыскания средств на приобретение спиртных напитков. Так:

Средний зарабо- ток.	Обращается к зай- мам в ‰ ‰.
До 25 руб.	20,0
От 26 до 50 р.	19,0
От 51 до 50 р.	16,0
Свыше 75 руб.	13,0

Как и следует ожидать, по мере увеличения основной приходной части бюджета снижается число рабочих, прибегающих к указанным „чрезвычайным“ источникам доходов.

Как же отразилось на производстве потребление спиртных напитков? Оговоримся здесь же, что имеющиеся в вашем распоряжении данные о сумме явлений, вызываемых алкоголем в быту рабочих (нарушение семейных отношений и т. д.) не могут быть приведены полностью, так как размеры статьи не позволяют развивать этой темы.

Однако в области влияния алкоголя на труд мы остановимся на вопросе о производительности труда в связи с употреблением спиртных напитков — в частности на „прогулах“ (понимая под прогулом всякую неявку рабочего на работу по неуважительной причине).

Так, мы имеем следующую картину (по данным за 1925 год).

	Болховской кожзавод.			Елецкий кожзавод.			Елецкая песадная мастерская.			Орловская обувно-по- садная ф-ка.		
	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Среднее число за- пятых рабочих	540	544	538	201	200	205	320	313	320	353	356	359
Среднее число прогулов	5,0	2,5	1,0	3,0	5,0	2,3	12,0	17,0	7,4	7,3	9,5	6,8
Среднее число прогулов в после- праздничные дни	6,0	2,5	1,5	7,0	9,5	5,5	34,0	39,0	20,0	8,0	14,5	11,0
Среднее число прогулов в дни после получек	6,0	8,5	8,0	4,0	10,0	7,5	41,0	30,0	23,0	11,0	13,0	13,0

На основании последней таблицы можно установить следующее: число прогулов возрастает в послепраздничные дни, в дни же после получек число

прогулов, как правило, увеличивается еще более (особенно характерны данные по Елецким посадным мастерским—октябрь 12—34—41—где первое число—среднее число прогулов, второе— среднее в послепраздничные дни и третье— после получек).

В заключение нашего краткого очерка мы должны признать, что распространение алкоголизма среди рабочих кожевников Орловской губернии значительно и требует соответствующих мероприятий.

Пути их предуказывают отчасти и сами опрошенные рабочие. Так, 11,0 % опрошенных является сторонниками решительных мер—прекращения продажи спиртных напитков; прочие рабочие предлагают использовать частичное ограничение продажи вина, усиление культурно-просветительных работ, борьбу с самогонном и проч методы противоалкогольных средств.

Насколько проведение культурно-просветительных работ в этом направлении, необходимо можно видеть из следующего: 50 % рабочих ответили о неосведомленности их по поводу вредного влияния алкоголя на здоровье.

Изжитие глубоких корней алкоголизма рабочей среды должно быть проведено совместными усилиями профессиональных, страховых, здравоохранительных и прочих органов.

Поле для работы весьма широко.

В. С. Росточин.

Бытие и сознание в музейном деле ¹⁾.

Задачи Губернского Музейно-Краеведческого Центра „Научного Совета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, быта и природы“ определяются нуждами музеев, установкой в музейном строительстве, вехами на его путях. Поэтому приходится говорить именно о некоторых особенных чертах местной музейной жизни.

Здесь, прямо под руками, мы можем видеть и краеведчески осознать наши Орловские музеи; верхнее—отделения так называемого Областного Музея: Историко-Художественный Музей, Тургеневский и Естественно-Исторический. Кроме этих, в сети музеев Главнауки состоят уездные музеи: в Ельце, Болхове, Ливнах и Повосиле. Музеи чисто педагогические, школьного назначения к Главнауке не отнесены.

Не далее, как третьего дня ответственное совещание в ГубОПО имело случай слышать заявление такого рода: „Нам некогда записаться музеями“. Если это „взгляд и нечто“, то такие слова можно бы пропустить мимо, но если это официальное признание в делах и помышлениях (а это как раз и было), если это реальная плановая установка, то приходится беспокоиться за судьбу, быт и самый тонус жизни музеев.

Именно этот лейт-мотив—„нам некогда записаться музеями“ поставил их на значительный отлет, забросил их куда-то на кулички. Отголоски именно этого мотива отзывались в течении десяти лет на музеях очень больно, несмотря на их стремление хотя бы выйти на правильную дорогу, не говоря уже о движении вперед. Именно отсюда первая обязанность всех взаимно заинтересованных общественных просветительных учреждений и организаций, и, прежде всего, краеведческих—сосредоточить свое внимание на музеях, на работе для музеев, в них и около них; выявить любовь, волю и дело; выковать равнодействующую; найти ту кривую, которая вывезла бы наши музеи.

¹⁾ Доклад на I Орловской Городской Краеведческой Конференции 18 марта 1928 года (по вопросу о задачах Научно-Музейного Совета).

Известна служебная роль музеев, это—один из участков фронта краеведения. Музей—на службе массам; музейст является педагогом, историком, художником, краеведом. К этим квалификациям музейста неизменно должна присоединиться еще одна—социолог; этот ингредиент-социолог относится к музейсту—педагогу, историку, художнику, естествознателю, краеведу.

Даны ли кем-либо и усвоены ли музеями методико-инструктивные предписания в соответствии с требованиями момента? Нет, не даны. Конференции музееведов показывают только искания в области музейного строительства, и музееведы до сих пор еще бредут на распутьях. Это потому, что фактически не вложено в музейста именно социологическое начало; социолог не прирос к историку, художнику, краеведу,—музейст не конкретизировался, за редкими исключениями. Это не усвоено музеями, это плохо усваивается и теми, кто ими руководит, и кому некогда заниматься музеями.

В Повосиле всем уважаемый *В. Н. Глаголев* возится с краеведческими примитивами в школах и с педагогическими пособиями, читает лекции о сифилисе и о путях театра, записывает присказки и басни стариков, разбивает сквер в городе, выполняет архитектурные проекты памятников.

В Болхове всеми уважаемый *И. К. Гаврилов* ездит с комиссией по исследованию торфяных залежей, чертит бесконечные картограммы, вводя в план работ музея и анализ Болховского молока, и растения, заменяющие чай, и ксерофитные растения, и количество крестьянских дворов, из которых работники ушли на отхожие промысла,—и также строит памятники.

В Ельце доброй памяти покойный *А. А. Кириллов* проводил задания плановых учреждений на тему о количестве яиц, снесенных курицей; строил уголок крестьянской избы в музее, но больше, конечно, тяготел к временам *Сизгайдачного*, пупкам и ядрам, к раскошкам в Тербунском районе.

В Ливнах четвертый, очередной, заведывающий *А. Н. Шилов* изо дня в день проводит общую, всеобъемлющую, всех примиряющую беседу „Нап край“ и видя, что посетители тают на по дням, а по часам, вытаскивает из музея пару пупек и ставит у входа. Тов. *Шилов* радуется: приманка помогла,—не знаем, на долго-ли

Все эти работы проходят по официальным отчетам музеев. Словом, музейст является на местах фактотумом, адъютантом всех, кто может сделать его своим адъютантом. По основной задаче—социологическое развертывание музея не выполняется. Общего стержня нет, и мало кто озабочен этим. Даже в высших официальных музейных кругах все еще держится нечеткость, недоговоренность, расплывчатость, которая обещает как-будто оставаться пока в музейном строительстве. Там, даже в Отделе музеев Главнауки, высказывается мнение, что только теперь, после десяти лет революции наступает второй этап в жизни музеев—период проработки собранного в течение первого периода музейного материала—период показывания его массам, период обслуживания масс. Такое механическое деление музейной работы, резкое по содержанию, резкое во времени—никуда не годится. С этим по существу нельзя согласиться ни краеведу, ни социологу, ни музейсту в целом.

Музейного дела нельзя делить на этапы—с особым, новым заданием, со своим целеустремлением. Музейное дело всегда одинаково, неразрывно, неделимо. Что такое музей, и кто наполнит музей? Музей, это—резервуар, не имеющий границ, бескрайний и бесконечный, наполняемый материалом жизни—настоящей и прошлой; материалом, который обрабатывается жизнью и обрабатывается в музее особыми следопытами-краеведами. Если краеведение будет свойственно каждому из нас, если оно будет вложено даже в ребенка на школьной скамье,—тем больше будет материала, тем полнее и богаче

будет музей, тем легче нашим потомкам будет изучать прошлое, т. е. наше с вами настоящее, нынешнее.

Закончился не первый этап—собираательства; закончился случайный, неповторяемый период—соединения, концентрации, фиксации того беспрзорного материала, который достался по активу революции—из усадеб, дворцов, церквей, особняков. Этот период не мог затянуться далее 1923—24 г.г. И новый этап, т. е. обычная, повседневная, большая работа начата уже давно в ряде музеев (Пермь, Рязань, Воронеж и т. д.). Именно в этих музеях по счастливому исключению заложено самими местными работниками то, что настойчиво требуется сейчас: этнография, экономика, быт, природа,—краеведение в полном смысле слова. Именно там музейное краеведение перестало быть мифологической концепцией,—проведение облеклось в плоть.

Вот такая работа в наших местных музеях Орловской губернии не началась, пожалуй, за отдельными исключениями (если нельзя без исключений). В Орле, в Историко-Художественном музее сейчас даже нет достаточного материала, чтобы говорить о краеведческих элементах и их развитии; там еще нужно произвести организационное, основное, фундаментальное собрание по линии краеведения (этнография, экономика, быт). И, конечно, практическое приложение работы Научно-Музейного Совета должны паходить прежде всего в Орле, в Областном музее.

Да, наши музейисты еще не осознали новых требований от них, и от старых им трудно отвыкать. Кустарное любительство, Плюшкинская жадность, страсть коллекционирования, скопидомство („на всякий случай“, „со всех сторон“) должно быть оставлено. Нужны не редкости, не диковины; нужен обширное поле зрения, которое обрабатывается каждым уходящим днем; нужен законченный комплекс впечатлений у зрителя; нужен конвейер музейного материала, конвейер оставляемой позади жизни,—конвейер убеждающий, впечатляющий, поучающий.

Вводя социологический метод использования музеев, утверждая единственно и прежде всего социологическую интерпретацию материала, можно даже так, казалось бы, некраеведческие экспонаты, как портреты кн. А. В. Куракина или игральные карты *Михаила Романова*, трогательно выставленные в оружейной комнате Историко-Художественного музея, овеять краеведческими мотивами. Если бы каждый экспонат изучать тщательно и действительно научно обработать (что, быть может, только снится нашим научным сотрудникам в музеях),—если выправить научный паспорт на каждый предмет,—то музеи были бы лучшим агитпропом.

Князь А. В. Куракин — малоархангельский; почему же пареня, приходящий в лаптях в музей, не может получить справочку о том, какие и сколько деревьев имел этот князь, и как он жил, и сколько стоил его кафтан и камзол, и как жили его крепостные? Поройтесь в многотомном архиве *Куракиных* (он находится в самом музее) и еще где-нибудь. Карты *Михаила Романова*—целая колода, с бубновым тузом наверху. Не пробовал ли он, этот неудавшийся наследник престола, свою силу, разорвав колоду на-двое? Да, это так; это, быть может, было в офицерском собрании, в штабе 17 Черниговского полка, в двухэтажном доме, что на углу Московской улицы и Парышкинского переулка, где сейчас квартиры рабочих, и в окнах, вместо стриженных солдатских голов и погон—зановесочки и банки розовых цветов, и откуда раньше (не ближе десяти лет), особенно весной и летом на несколько кварталов кругом гремел оркестр, со столь любезным его высочеству „Когда в Париж я еду“.

Идеологический шлак чистого искусства цора выбросить из головы и критерий художественности—разбить; не этот критерий, не этот камень—

красугольный. В гуманитарные наши кусткамеры нужно пустить больше света. Копаться в археологической пыли (а наша российская пыль сплошь автократична; по крайней мере, сохранинное для потомства—автократично, все эти шапки *Мономаха*, *Василия Блаженного*, кресты и иконы) полезнее не для любопытства. Ибо от любопытства—любование, от любования—умиление, от умиления—приверженность,—а это порядочный обломок консерватизма, непужный и вредный. Не оригинальность поражает в крестах и иконах, не художество, а наивность, тупость, бессмыслица. Это должны видеть все хорошо,—поэтому ценнее не кресты, а эти пеленые кусочки, мощи *Ивана Воина* или *Вонифатия*.

Все эти заведенные в музеях книги отзывов посетителей иногда (особенно, если они сплошь состоят из хвалебных од), производят впечатление противоположное тому, что в них записывается. Все эти отзывы показывают, как действительно не разработаны запросы масс, и как музейсты не умеют и не знают, что нужно и как дать массам. Нужно сломить некое средостенье, и вызвать массы на откровенность. А эти приложения рук в книгах впечатлений, простите, это—исконная всероссийская пошлость, которая оставляет росчерк даже на памятнике *Чехову* в Погодевичьем монастыре или *Лермонтову* около Машука.

И вот, вместо этой—сомнительной ценности—привычки, нужно было бы развивать в массах то критическое отношение, то же исследовательское чутье, то же любопытство, с которым работает музейст и краевед. Это хорошо, что уже взялись за пересмотр *Льва Толстого*.

И те мемориальные музеи, какие у нас есть, музеи личностей, конечно, должны получить отражение внимания масс к самим личностям, которых увековечила „история“. Священный трепет в музеях неуместен; стыдно его культивировать, этот транс и ложный пафос. И, право, окидывая глазом остатки барского интерьера в Тургеневском музее, дрожки, наволочки и засохшие цветы, комсомольцу не зазорно сказать весело и шумно: „п жил и пописал покойничек“,—а будем ли мы его читать, это наше дело. В *Тургеневе* для нас важен не *Тургенев*, а герои, типы. Если они были в свое время либералами, сегодня они могут быть приняты за контр-революционеров,—в свете эпох так должно и быть. И если мы найдем, что изучение тургеневских людей полезно, будем изучать—как друзей или как врагов. Беспрекословное же возведение их в культ, канонизация их—по меньшей мере наивна. Изучать, а не разводять тургеневскую истерику вокруг Дворянских Гнезд, *Лиз* и гамлетовских натур.

Что же упущено в музеях, быть может, безнадежно? Самое важное—быт и жизнь не время *Алексея Михайловича*, а вот этого десятилетия 1917—1927 г. г. Назовите экспонаты в музее (Историко-Художественном, в Орле) этого периода. Кроме случайного знамени железнодорожного батальона войск ГПУ и самогонного аппарата на чердаке,—нет ничего. Простите, но я, как и многие другие, хотел бы видеть то, что прямо перенесло бы меня в эту великую эпопею, что коснулось бы моего сердца сильно, захватывающе, поражающе.

Верно пишет *В. Н. Глазков*, что именно свежие, не далекие бытовые предметы волнуют в музее крестьян. Пустяк, взятый в музей, обращает внимание, и зритель уже понимает роль музея теперь и в будущем; отсюда он сам как бы со стороны, издали, а потому—с любовью оценивает настоящее. Если это волнует нас сейчас, то какая это счастливая находка для будущего обозревателя! Курганы отойдут в прошлое (они и дают больше не самой жизни, но остатков ее, самой смерти), от наших времен не останется курганов,—но в музеях потомки найдут готовое и обильное историко-социальное поле.

Где у нас в музеях простые бытовые предметы—костюмы, утварь, горшки и даже комоды? Разве мы уже не потеряли знаменитую железную печку девятнадцатого года, именно настоящую, взятую из такого—то дома, со всей биографией этой печки? Разве мы не потеряли подлинную пинель убитого красноармейца или белогвардейца, которая красноречивым молчанием свидетельствовала бы именно о местных болах, о местных эпизодах гражданской войны! Даже обойма с патронами, во—время взятая и сохраненная, но именно подлинная, была бы кусочком революционного полотна. Выставлены ли у нас (это не парадокс) славные и веселые галифе, связанные с именем какого-нибудь (из здешних) комчванствовавшего комиссара, или шапка денкинского полковника,—а разве мало они теряли шапок? В 1924 году, занятый вопросами культурного дела, Лев Троцкий опасался, не слишком ли много мы строим знамен: всюду знамена, всем подносятся знамена, по всякому поводу знамена. Где же этот лес знамен, куда он девался? Не думается, чтобы все с 1917 года знамена остались в целости,—а их можно было бы видеть в музее, хотя бы эти знамена, если не сумели сохранить другие революционные реликвии.

Вот печальные, грубые, слишком наглядные подступы к краеведиванию, популяризации и „социализации“ музеев. И не говорю уже об экспозициях экономическо-хозяйственного порядка, их еще больше, это дело на полном ходу (вне музея); дело только в умении представить их перед обозревателями как бы живыми скелетами с жизни.

Кроме текущего обрабатывания материала, даваемого жизнью, больше внимания нужно отдать сохранению остатков старины в области архитектуры, археологии, искусства, быта, природы. Кроме бумажного учета этих памятников, Главнаукою, по крайней мере, в нашей губернии, ничего не сделано. Более того: на этих днях Главнаука констатировала неудовлетворительность и самого учета, только учета. Многократные проверки, производившиеся Отделом музеев, не привели еще к окончательным результатам.

Памятники остаются в полном запустении, разрушаются, расхищаются. В отношении самой охраны Главнаука относит больше обязанностей на места. Денег в уездах не было и нет. Нет денег не только на охрану, но даже на поездку, чтобы осмотреть памятники.

Научному Совету и нужно будет находить пути к выявлению этой базы. Вот почему Совет должен быть достаточно авторитетным, на основах взаимодействия представляющим все заинтересованные организации и учреждения—от краеведов, через просвещенцев до Губпрофсовета и агитпропа Губкома партии. Если „нам некогда заниматься музеями“, то этим займется коллегиальный орган, который понудит тех, кому некогда, дать средства на это дело, или же сложит неподатное оружие, если не будет средств. Что-то, наконец, должно заставить местные органы найти те деньги на музейное строительство, которые так жалки были до сих пор на местах, и которые так неотступно, восторженно и безнадежно ожидали музейные работники от центра.

Будем надеяться, что провалы в музейном деле приведут если не на одиннадцатом, то хотя бы на пятнадцатом году к такому же возбуждению, как сейчас вокруг вопросов кинематографии, ибо музейсты, краеведы, трудящиеся и пионеры знают, что какой-нибудь вещевой мешок московского рабочего—полуторاپудника, периода мещичества, важен не меньше, чем *Скарамуши и Дон-Диеги*.

И. В. Малашенко.

„Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX в. в.“¹⁾

В начале августа 1925 года Государственным Историческим Музеем в Москве была послана на Урал, в колыбель русского заводского пролетариата, рекогносцировочная экспедиция в составе трех членов, ученых сотрудников музея: Н. Б. Блжанова, А. Н. Топорнина²⁾ и Г. А. Новицкого.

Цель экспедиции: 1) собрание материалов по быту рабочего класса конца XVIII и начала XIX века и 2) обследование тех путей, по которым должны будут пойти дальнейшие исследовательские экспедиции Исторического Музея.

Затем основная работа экспедиции продолжалась в 1926 г. и 1927 г. в составе А. Н. Топорнина и В. С. Воронова и закончилась в 1927 г. выставкой к десятилетию Октябрьской Революции в Государственном Историческом Музее в Москве—выставкой „Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX в. в.“.

Таким образом данная историко-бытовая экспедиция своею конечною задачею имела исследование районов старинных заводских поселений с целью собраний вещественных памятников, изображающих крепостной труд на уральских рудниках и заводах и домашний уклад жизни рабочего.

Методика, техника и результаты этой, чрезвычайно интересной во всех отношениях, экспедиции, просто, понятно, содержательно и поучительно изложены основными работниками экспедиции А. Н. Топорниным и В. С. Вороновым в небольшой (в 24 стр.) брошюре, изданной в 1927 году в Москве Государственным Историческим Музеем.

Вот краткое содержание этого труда:

„Задача изучения рабочего быта только за годы революции встала перед русскими историко-культурными музеями. Необходимо сохранить для науки и изучить те небольшие материальные остатки производственного снаряжения и домашней обстановки рабочего класса, до сих пор совершенно не изучавшихся со стороны истории быта, заставила Государственный Исторический Музей включить в круг своих ближайших задач работу по систематическому собиранию материальных памятников рабочего быта“, говорят авторы.

И далее: „в собраниях Государственного Исторического Музея дореволюционного периода подобные коллекции отсутствовали“. Они эти экспонаты, „открывают новый сектор в деле музейного собирательства“.

Работа экспедиции была развернута в городах и заводских поселениях. Были обследованы старейшие гнезда рабочего Урала—Ниже-Тагильский, Черно-Исторический, Висимо-Шайтанский, Верхне-и-Ниже-Уфалейские заводы, Верхне и Нижне Калтымские, Каслинский и Нижне-Петровской и целый ряд других.

Большинство заводских поселений занимается и крестьянским хозяйством, особенно в районе г. Верхотурья, затем по старым Меркушинскому и Ирбитским трактам (Прокопьевская Сальда, Пушкарева гора и другие). Установлено было, что „рабочий обладал также хозяйственным инвентарем, как и крестьянин, но лишь с дополнением производственного снаряжения, необходимого ему для работы на заводах или рудниках“.

¹⁾ Вопросу проведения аналогичных обследований в Орловской губ.

²⁾ А. Н. Топорнин из предложения редакции „Бюллетеня“ поделиться опытом изъявил желание консультировать проводимыми работами в Орловской губ.

Особенно ценным результатом опыта исследовательского труда следует считать следующее положение, *целиком подходящее к решению вопросов собирательской работы и в нашем Орловском, как и во всяком другом, крае:*

„Малоценность бытовых вещей домашнего обихода, их сравнительно быстрая изнашиваемость и незначительность их в глазах самих жителей, часто выбрасывающих дедовские вещи, заменяя их предметами современного изделия, поставили собирателей перед необходимостью производить сплошное обследование домов коренного населения заводов“.

Члены экспедиции, разъясняя жителям цель своей работы, сумели установить настолько доверчивое к себе отношение, что были допущены населением этим самым подробным образом обследовать около 3000 рабочих и крестьянских жилищ.

В то же время, в процессе указанной работы, велась и другая, не менее важная: путем обследования устанавливались детали быта, труда, кустарных промыслов и др., устанавливались даты собираемых экспонат, их названия, назначение и т. п. Здесь встречались иногда курьезные затруднения: молодое поколение не усвоило или забыло назначение и название некоторых старинных предметов; приходилось обращаться к старикам, к счастью еще находившимся в добром здравье и на лице.

Нужно отметить, что работа экспедиции велась все время строго по выработанному ею плану: собирались не отдельные случайные предметы, а шел „*систематический подбор групп*“ одновременных памятников, характеризующих определенную, (бытовую или производственную), тему в вещевом материале“. Надо подчеркнуть, что только благодаря умелому подходу экспедиции, население все время было в курсе работ ее, осознано значение и ценность их и проявляло полное содействие и доброжелательность.

См. стр. 8 и 9 указанной брошюры.

Всего экспедицией доставлено в музей 606 предметов.

„Имея вполне точное обозначение времени и места бытования“, говорят тов. Топорнин, — „собранные памятники являются наочию-ценными документами для воссоздания в музейной обстановке умерших условий жизни и труда крепостного населения Урала“.

На выставке—Труд и быт Уральских рабочих и крестьян—представлен по темам, соответствующим главным разделам повседневной домашней жизни населения и его трудовым занятиям.

1) *Памятники, дающие представление о типе домашнего хозяйства в семье уральского крестьянина и рабочего.*

а) Хлебопечение (№№ 1—24). б) Хранение запасов (№№ 25—44). в) Настольная посуда (№№ 54—80) (железный самовар, сделанный своеручно и повторяющий форму медного самовара). г) Хозяйство у печи (№№ 81—110, 445, 446). д) Приготовление домашних напитков (№№ 111—15). е) Посуда для молочного хозяйства (№№ 116—124). Интересна глиняная посуда 1830—1850 г. г., вылепленная от руки, без помощи гончарного округа. ж) Стирка хранение воды в доме (№№ 125—158). з) Домашний инструментарий (№№ 189—206). и) Конское снаряжение (№№ 183—188). к) Принадлежности детского быта (№№ 181, 182) и мужская и женская одежда (№№ 159—180, 209, 134).

2) *Памятники, характеризующие разнообразные проявления труда рабоче о и крестьянина—крепостной труд на заводах, земледелие, лесные и кустарные промыслы, домашние работы.*

а) Женские домашние работы (№№ 207—261). б) Скотоводство. в) Земледельческие работы. г) Каданное дело, или добыча древесного угля для заводов. д) Бортничество. е) Звероловство, охога и рыболовство. ж) Работы золотискателя-старателя. з) Труд рабочего железоделательного завода. и) Труд шахтера. к) Кустарные промыслы.

3) Быт рабочего и крестьянского населения за пределами домашнего хозяйства:

а) Хозяйственный инвентарь при полевых и лесных работах. б) Часть оборудования кабака и винная посуда. в) Предметы религиозного культа. г) Предметы, относящиеся к зимней забаве.

Бытовая вещественная обстановка трудового населения представлена двумя обособленными группами, включающими в себя однородные категории бытовых памятников:

а) Осветительные приборы. б) Внешнее убранство и оборудование дома.

Означенные выше перечисления являются, как-бы, иллюстрирующим планом всей работы—и потому помещены здесь.

Вот и все, в общем, содержание брошюры; читается она легко и содержит *готовый план серьезной, увлекательной и необходимой нашему краю работы.* Экономя место в Бюллетене Г. Б. К., мы принуждены были значительно сократить изложение содержимого брошюры и выпустить особо интересную описательную часть собранных и выставленных экспонат. (См. стр. 15—24 брошюры).

Ценность для нас, Орловских краеведов, этого труда определяется тем, что он устремляет нас на путь:

1) Обследования быта и труда орловских крестьян и рабочих. Путь нами, как будто, позабытый, к стыду и сожалению нашему.

2) Установлении в Историко-Художественном Отделе ГОМ'а нового отдела „Труд и быт рабочего и крестьянина орловского края“.

3) Необходимой срочности этой работы потому, что „малоценность бытовых вещей домашнего обихода, их сравнительно быстрая изнашиваемость и незначительность их в глазах самих жителей, часто выбрасывающих дедовские вещи, заменяя их предметами современного изделия“, почему предметы старины невозвратно гибнут.

Время не терпит.

Ряд краеведческих экспедиций, экскурсий намечен или намечается. Наши школы 1-й, 2-й ступеней, пионеры, комсомол, Огровинартшкола и педтехникум—все эти наши молодые краеведческие силы, (потому „краеведческие“—что так ведь и построена школьная программа), под руководством своих школьных руководителей—учителей успеют еще включить в свою программу работ и эту программу исследовательской и собирательской работы „Труд и быт рабочего и крестьянина орловского края“.

Губюрю Краеведения, верное своим задачам, не замедлит выработать общий план этой работы, увязав его с теми другими, которые уже намечены и установив в нем те составные части общего плана, которые могут быть поручены краеведам соответственно их опыту и работоспособности (школы 1-й, 2-й ступени, техникумы, СПШ и т. д.).

Будем надеяться, что ценное направление краеведческой работы, упущенное нами, будет твердо взято и продуктивно проработано и намеченный Отдел Историко-Художественного Музея быстро заполнится.

В. В. Понятовский.

Итоги Орловского с'езда по коноплеводству.

4—5 января с. г. при Орловском Губисполкоме состоялся первый с'езд по коноплеводству. На с'езде, кроме местных работников (около 30 человек), присутствовали представители: Всесоюзного Института Прикладной Ботаники, Научно-Организационного Комитета по сортоиспытанию, Масложирсин-

диката и Акционерного Общества Льнопрома. Присутствие на с'езде представителей центральных учреждений указывает на то, что вопрос о коноплеводстве в пределах Орловской губернии имеет всесоюзное значение.

В порядке дня стояли семь докладов, из коих часть посвящена экономике культуры, часть—вопросам сытного дела в этой области. Первым был заслушан доклад автора настоящей заметки на тему: „Экономика коноплеводства Орловской губернии“. В докладе было отмечено, что современное состояние коноплеводства характеризуется тем, что эта отрасль еще не достигла довоенного уровня в западной части губернии и широко распространилась на востоке, в среднем по губернии приблизилась к уровню 1913 г., как в посевах, так и в урожаях. Однако, в виду измельчания коноплеводных участков, роста внутрихозяйственных потребностей, сокращения удобрительного фонда на хозяйстве, расширения посевов картсфеля, зерновых и др. культур, товарный выход продуктов коноплеводства сократился.

Несмотря на многовековое существование в губернии конопля, техника обработки земли и волокна в крестьянском хозяйстве остается самой отсталой.

По словам докладчика тов. *Пустовалова* (ГСНХ) удельный вес крупной пенькособрабатывающей промышленности недопустимо мал; наблюдается развитие кустарной маслобойной промышленности, которая не только обслуживает нужды крестьянского хозяйства, но даже дает и рыночные излишки.

Городищенский завод (ст. Парыпкино Орловского у.) по первичной обработке конопля пущен только в 1927 г., а потому еще не успел оказать своего влияния на коноплеводство района.

Очень интересные доклады о результатах изучения льна и конопля представила Шатиловская Опытная Станция.

Д. И. Введенский сообщил, что Станция начала обследование районов естественной селекции (отбора) конопля; из 17 районов особого внимания заслуживает Трубчевская и Почепская конопля, которую, по мнению докладчика, нужно теперь же использовать для размножения в нашей губернии. Кроме того станция производит работу над выведением сорта конопля, который мог бы давать наибольшие урожаи и лучшего качества. Прделанная работа настолько успешна, что с'езд признал желательным и возможным создать в ближайшие годы семенной сортовой фонд по конопле.

Станцией также поставлены опыты по изучению влияния минеральных удобрений и севооборота с коноплей. Конопля по клевернице с неполным навозным (1200 пуд.) и минеральным (3 пуда) удобрением дала до 66 пуд. зерна и 412 пуд. соломы (при урожае без удобрения 40 пуд. семени и 150 волокна). Этот опыт с ближайшей весны проверяется в условиях крестьянского хозяйства. Поставлены работы по изучению борьбы с заразой, конопляной блохой, сорняками и т. д.

Широко развернуло опыты по конопле и Орловское Опытное Поле. Так как для расширения и изучения начатых работ имеющихся средств недостаточно, с'езд постановил просить центр об отпуске на это дело кредитов.

Не меньше внимания уделил с'езд льну. Объясняется это тем, что научные опыты Шатиловской Опытной Станции дают полное основание смотреть на лен, как на культуру будущего, культуру, которая в пределах губернии имеет все благоприятные для этого условия. В своем докладе об изучении Шатиловской Станцией культуры льна, тов. *Хохлов* подробно остановился на выгодах разведения для крестьянского хозяйства льна-кудряша. Эта культура хорошо родится после клевера, из года в год имеет устойчивые урожаи (60—70 пуд. с десятины), % жира достигает 35—48%, при чем дает масло хорошего качества; более легок в обработке волокна. Сбыт семян льна вполне обеспечен.

Словом вопрос о льне в научном отношении разрешен, остается практическая сторона дела—внедрение льна в крестьянское хозяйство. Такая работа, по мнению съезда, может быть выполнена общими силами заинтересованных местных и центральных учреждений. Бояться новизны, по мнению *проф. Лисарева*, предст. на съезде инстит. прикл. ботаники, не следует; имеется достаточно примеров, когда та или иная культура в несколько лет принимает широкие размеры в районе. Однако, лен не является противником конопли. Конопля имеет свои крепкие позиции не только в вековом существовании в губернии и привычке к ней местного населения, а и в том, что в некоторых производствах, как например, веревочном, чуином, она является незаменимой. Промышленность по обработке волокна предъявляет все больший и больший спрос к пеньке. Заграница готова закупать у нас пеньку в довоенных размерах (около 3 мил. пуд.), если только мы гарантируем бесперебойную поставку.

В Германии и в Америке, где площадь конопли во много раз меньше нашей, тем не менее усиленно работают над изучением конопли. В Германии, например, техника достигла того, что конопляное волокно отбеливается, из него делается вата и в смеси с хлопком идет на прядение тканей. Все это говорит о том, что конопля также имеет свое будущее и, следовательно, право на свое существование. Нужно только помочь крестьянскому хозяйству в реорганизации производства конопли.

В заключение съезд подчеркнул необходимость осуществления теперь же ряда практических мероприятий по поднятию коноплеводства и развитию льноводства.

Прежде всего съезд согласился с тем, что для осуществления плана развития коноплеводства и льноводства должно быть соответствующее объединение. В первую очередь съезд постановил использовать результаты работ опытных полей. В целях широкого ознакомления крестьянского населения с культурой конопли и льна съезд подчеркнул необходимость: 1) усиления оборудования селско-хозяйственных и краеведческих отделов местных музеев и 2) организации показательных участков. Съезд также поставил перед центром вопрос о выпуске специальных машин по очистке семян конопли, о выработке типа усовершенствованных пенькомочил, о слабжении конопледных хозяйств усовершенствованными мялками и трепальными машинами. Губплану поручено выявить вопрос о постройке простого типа завода по обработке конопли. Поставлен вопрос о контрактации посевов конопли через с.-х. кооперацию.

Съезд закончил свою работу с уверенностью, что оказанное в настоящее время культуре конопли и льна внимание не ослабнет и в последующие годы и это будет залогом успеха в развитии у нас конопли и льна.

Из постановления съезда вытекают обязательства и для местных краеведов. Первая обязанность краеведа—воспитывать в крестьянских умах мысль о необходимости улучшения приемов производства и обработки конопли, возможности и выгоды разведения льна-кудряша и т. д. Кроме пропаганды широкое поле деятельности для краеведа—изучение стоимости производства конопли и льна в хозяйстве: сколько затрачивается на 1 дес. труда, сколько дается удобрения и т. д. Съезд подчеркнул, что конопля—одна из самых мало изученных культур; изучение этой культуры—очередная задача дня.

И. А. Шелапутин.

Шестаковский Ботанический сад.

(Из экскурсий по Мценскому краю).

В 12 вкм. от гор. Мценска, по Болховскому большаку, в 3-х вкм выше Карандаковского моста на р. Оке, близ дер. Дробышево, при хуторе, принадлежавшем Мценскому врачу *Александру Ивановичу Шестакову*, существует мало кому известный ботанический сад. Название „ботанический“, может быть, несколько громкое для небольшого, но в высшей степени интересного уголка древесных насаждений, дано ему редкими посетителями, желавшими тем самым отметить его назначение.

Инициатива разведения сада и ее выполнение всецело принадлежит упомянутому *А. И. Шестакову*.

Местоположение сада очень живописное: высокая местность над известковой кручей гряды, разделяющей глубокие долины р. Оки и Сухой Зуши. Внизу вьется Ока, виднеющаяся на большое расстояние, ложицей, в долину ее круч падают поросшие по склонам деревьями, с густой высокой травой на дне в летнее время и широкий горизонт с дальними деревьями, ветряными мельницами и далеким простором полей. С 1862 года началась незаметная, никому почти неизвестная и тем не менее серьезная научно-исследовательская работа по натурализации различных видов и разновидностей древесных пород, выписываемых из различных мест, часто из заграничных ботанических садов.

Работа велась до самой смерти *А. И.* (умер 16 февраля 1916 г., 79 лет).

Детище покойного—его ботанический сад, вместе с вкрапленными в него частями плодового сада, в настоящее время занимает площадь около 3½ гектаров. Плана в насаждениях почти нет и чтобы разобраться в них требуется помощь со стороны детей покойного, проживающих рядом с садом.

С большой заботливостью и вниманием относятся они к живому памятнику, оставленному по себе их отцом. Они хорошо помнят русские и отчасти латинские названия деревьев и с воодушевлением руководят редкими экскурсантами при осмотре ими сада.

При поверхностном осмотре, сад не производит сильного впечатления, но при дальнейшем знакомстве с ним изумляешься обилию различных видов и разновидностей древесных пород, попавших сюда из далеких стран Азии, Америки, Западной Европы и Австралии, любуешься красотой форм и оригинальной окраской листов, мощностью стволов некоторых из деревьев, несмотря на сравнительно молодой возраст их. (Сад возник и постепенно засаживался с 1862 г.). Все чужеземные деревья и кустарники, повидимому, прекрасно натурализовались.

Отсутствие аллей и широких дорожек придает саду характер лесного уголка, а идущий от дер. Дробышево глубокий овраг, почти весь заросший разными деревьями и кустарниками, усиливает это впечатление. Весной и осенью сад дает приют многочисленным перелетным птицам, чувствующим здесь себя в полной безопасности. (Сад тщательно охраняется семьей *Шестаковых*).

При довольно беглом осмотре сада мы насчитали в нем до 120 пород деревьев и кустарников более или менее интересных в том или другом отношении. (Ветви с листьями собрали в гербарий в 2-х экземплярах; из них один передан в Орловский Естественно-Исторический Музей, а другой хранится в Мценской школе П. Стрели).

Вот наиболее интересные из них: 1) Тутовое дерево, 2) Перусалимская маслина, 3) Белый ясень, 4) Японская вишня, 5) Сибирская лиственница, 6) Черная бузина, 7) Ясень французский, 8) Пихта гребенчатая, 9) Капри-фоль (с острова Капри) с красными ягодами, 10) Мишмула, 11) Кедр сибирский, 12) Фисташник, 13) Клен платановидный, 14) Сахарный клен, 15) Белый американский клен, 16) Бук европейский, 17) Американский съедобный каштан, 18) Амурский орех, 19) Лиственница американская, 20) Лиственница японская, 21) Ель сизая, Энгельмана, 22) Американская липа, 23) Крымская липа, 24) Кашеиный дуб, 25) Крово-красный американский клен, 26) Древовидный можжевельник, 27) Змеиное дерево (имеет яд в корнях), 28) Американский орех, 29) Туркестанский орех, 30) Пестролистный вяз, 31) Амурский серый вяз, 32) Бук американский, 33) Фундук-орех (вызревает), 34) Шотландская ель, 35) Американская ель, 36) Сосна — „Ваймут“, 37) Груша — (балышник) австралийская, 38) Клен — сикомор французский, 39) Граб европейский, 40) Граб американский, 41) Лещина турецкая, 42) Шварцвальдская сосна, 43) Гималайская береза, 44) Столетний барбарис, 45) Вяз с пробковой корой, 46) Кипарис, 47) Маслина дикая с гор Греции, 48) Пробковый дуб и многие другие.¹⁾

У каждого посетителя сада, хотя сколько-нибудь понимающего цель и значение всей работы, вложенной в него, невольно является мысль: какие ценные, как прочный строительный материал, или как фруктовые плодовые и декоративные деревья и кустарники могли бы свободно без всякого особенного ухода произрастать в наших лесах, садах, парках, бульварах и т. д. теперь как случайные гости ботанического сада. И как много нужно было любви, терпения, труда, знания и времени, чтобы проверить пригодность для разведения их в нашей местности, где нет никаких ботанических садов. А между тем этому культурному уголку грозит серьезная опасность совершенно погибнуть от хищничества и невежества соседей крестьян. Уже 118 пихт, лиственниц, елей, сосен и других деревьев сада более не существует: они вырублены в 1921 году. Дробышевские крестьяне при всяком случае вредят саду: рубят деревья, ломают палки „от собак“, обивают плоды и, если не будут приняты серьезные меры к охране сада, то он может совсем исчезнуть. Признавая за садом *Шестакова* научное и экономическое значение, Мценское Общество Краеведения еще в июле 1925 года просило Губ. Музей взять сад под охрану, приравняв его к другим заповедникам, национализированным государством.

А. И. Молозев.

Ковыль в окрестностях г. Мценска.

В окрестностях Мценска пока известны только два местонахождения ковыля, — это верховье Мечни и устье Ядренки. Здесь встречается всего один вид ковыля — именно *Stipa Ioannis Celax*.

Впервые ковыль отмечен *С. П. Рудных* в верховье Мечни в 1922 году. Весной 1921 года, исследуя с учащимися истоки речки Мечни, левого притока Зуши, мы случайно натолкнулись на интересный уголок луговой степи.

Красивые желтые цветы весеннего горичвета (*Adonis vernalis*) и крупные синие цветы ириса (*Iris furcata*) обратили тогда внимание экскурсантов. Наше предположение о возможности находки здесь ковыля подтвердилось на

¹⁾ Силсок требует проверки, а экземпляры на месте соответствующей этикетировки и вложки филологической тетради для сравнительного наблюдения над фазами и развитием отдельных видов и разновидностей — (ред.).

следующий год, когда ковыль найден был здесь *С. П. Рудных*. Уголок луговой степи занимает здесь правый крутой, юго-западный, склон лощины, идущей от с. Шейно, недалеко от встречи ее с другой лощиной, идущей от д. Подмокрое. Верхняя часть склона занята дубом в возрасте приблизительно 65 лет, который в это время начали уже сводить. 17 июня 1922 г. мы посетили луговую степь и могли проверить находку здесь ковыля. Ковыль выбросил свои перистые султаны и его легко было найти. Вместе с ним отмечены степные растения: *Falcaria Rivini*, *Phleum Boehmeri*, *Anemone silvestris*, *Vincetoxicum officinale*, *Asperula tinctoria*, *Anthericum ramosum*, *Phlox tuberosa* 12 июня 1925 г. луговая степь опять была посещена нами. Немного повыше луговой степи, на том же самом склоне, с сильно уже разреженным травяным покровом, удалось найти желтый лец (*Linum flavum*)—типичное степное растение. Вместе с ним рос степной ковыль, которого здесь было много и перистые султаны которого еще издали обращали на себе внимание.

В устье Ядренки, левого притока Зули, ковыль отмечен 12 июня 1923 года, во время наших геоботанических исследований. Ковыль растет здесь на южном склоне речной долины вместе с другими степными растениями, как-то: *Iris furcata*, *Falcaria Rivini*, *Echium rubrum*. Ковыль замечен в небольшом количестве.

Интересно было бы выяснить распространение ковыля в нашем крае, отмечая его местонахождения и условия его произрастания, так как ковыль—одно из тех редких и интересных растений нашего края, которые вскрывают нам его далекое прошлое.

Проф. В. Н. Хитрово.

О размере и мелодии частушек.

По сравнению со старинной песней, модные сейчас „частушка“ и „страдание“ представляются, конечно, в художественном отношении упадочным явлением. Мелодия—упрощенная, неразвитая,—как и ритм толчеей; мысль—отрывочная, стих—совершенно лишенный обработки. Однако, гораздо справедливее видеть в этих формах не упадочную фазу заката старого искусства, а очень первобытную, зачаточную форму нового. Сейчас в частушках и страданиях, этих зачатках эпоса и лирики, одна на мажорном веселом ладе, другая—на грустном миноре, отражается вся кипень революционных переживаний. Некогда отделять: экспромтом, отрывочно и нескладно, торопится певец-импровизатор канизать новые слова в простейшей музыкальной фразе, оформить новую мысль и новые отношения. Законченность словесной формы, богатство мыслей, музыкальность мелодии и сложность ритмов—все это дальнейшие этапы развития творчества в народной массе, по мере развития музыкального вкуса, сопутствующего всеобщей „ликвидации неинтеллигентного состояния“.

Но именно в силу указанных особенностей, собиравшие на-лету быстро сменяющихся новых и местных вариантов частушек представляет огромный интерес, так как этим способом можно проконтролировать весь ход вытеснения старых бытовых слов и понятий—новыми. Интересно проследить и те зачатки художественности, которые попадают в образцах этого современного массового творчества.

Во втором выпуске нашего „Бюллетеня“ были помещены записи частушек, сделанные группой краеведов во время поездки по Оке. Один из авторов прислал теперь в редакцию замечание свое по поводу редакционных по-

правок, сделанных в объяснительном тексте к этим частушкам. Речь идет о признаках, отличающих друг от друга основные две разновидности современной короткой песни „частушки“ и „страдания“, как их называет автор. Редакция полагает, что спор между нею и В. Ф. Лебедевым любопытен вообще для читателей «Бюллетеня». В самом деле, интересно проверить, как понимают, и в каких внешних признаках отражают певцы и складыватели этих песен различия их основных настроений.

Автор в своей подлинной редакции выразил эту разницу в следующих выражениях: „между обоими формами по размеру и исполнению голосом есть существенная разница. Частушка представляет собой песню в четыре стиха (изредка больше) по 4—8 слогов в каждом; страдания—короче частушек: если их располагать в четыре строчки, то в каждой приходится по четыре слога. Кроме того страдания поются тягуче, медленнее, чем частушки—и приводит пример (см. стр. 20 „Бюллетеня“ № 2“:

„Комсомольца не любила“ и т. д.—*частушка*, и: „Что же ты милый“, а вторая строка: „Не выходишь“ и т. д.—*страдание*. (Ударения расставлены автором).

Легко видеть прежде всего, что по размеру, т. е. по чередованию ударений, между обоими примерами нет ровно никакой разницы. И отсюда нет и никакой причины во втором случае располагать текст в уменьшенные вдвое по числу слогов строчки. Проще бы сказать—первое произведение состоит из 4 строк, или стихов, а второе—из двух таких же стихов, и так их и записывать.

Известно, что со времени *Тредьяковского* принято искусственные стихи русских стихотворений—и больших и малых, по интеллигентских поэтов—относить к типу *тонического* стихосложения, т. е. делить стих на стопы двух и трех-сложные, каждое с одним ударением на определенном месте, к которому стихотворец так подлаживает слова, чтобы на нужные места попадали бы естественные ударения каждого отдельного слова так, как они слышатся. Автор и свои вышеприведенные примеры народного творчества пытается прииссти к хорейскому искусственному стиху, который должен состоять из двухсложных стоп, называемых хорейми, с ударением на первом слоге. Однако, всякому слышно, что в стихе „Комсомольца не любила“ никто не старается рубить ударений на „ком“ и „не“, а во всей строке всего слышится два ударения на „моль“ и „би“. Это то, что называется логическим, или смысловым ударением, и которое вовсе не в каждом слове подряд наблюдается, как в стихе, так и в обычной нашей речи.

Наш орловец поэт и высокообразованный критик, ветеран из круга и знакомства крупнейших наших писателей-классиков, *В. И. Лясковский*, много лет назад уже противопоставлял искусственному подведению под тонический шаблон эту натуральную основу народного стиха и песни: *строй на логических ударениях*. Логические ударения реже расставлены в речи, чем ударения каждого слова о отдельности и, конечно, основа народного стиха поэтому и не уложится в тесных рамках двух и трех-сложных официально признанных стоп. „Комсомольца“, „не любила“, „что-ж ты милый“, „не выходишь“—это все народные четырехсложные стопы, с одним ударением на третьем слоге. Из них, но-одиночке или по-парно взятых, и состоят отдельные стихи вышеприведенных, как частушки, так и страдания.

На том же примере можно видеть и вариацию народной стопы, вносящую некоторое разнообразие в чередование окончаний стиха—то ударных, то не ударных. Это известное и в искусственном стихосложении чередование—„мужских“ и „женских“ концов, как их называют: с ударом на конечном слоге стиха, или с ударом на предпоследнем слоге. В четных строках частушки, взятой для примера, мы видим, что во второй ее стопе выпал по-

следний слог, и она стала трехсложной, с ударом на *третьем* же, по *последнем* теперь слоге: „Комсомолка не была“ и „комсомолкой стала я“.

Отсюда совершенно ясно, что ни о какой разнице в размере у приведенной частушки (четырехстишие) и страдания (двухстишие) — нет. А значит, вся разница не в стихе, а именно только в *исполнении* голосом. Поэтому совершенно необходимо при записи таких произведений заносить нотным письмом и мелодию, и отмечать условным знаком скорость, с которой должен проходить каждый музыкальный такт. Эта скорость есть то, что в музыке называют счетом и выставляют обыкновенно на нотах в ключе: $\frac{3}{8}$, $\frac{4}{4}$ и т. д., с пометкой иногда рядом общеизвестных в музыке итальянских слов „аллегро“, „анданте“ и т. п. Очень важно уловить в мелодии музыкальный *строй* мажора, минора и вообще той гаммы, на которой она построена. Тут вскрыется много оригинальных и национальных черт пародного творчества, но для этого необходимы: хороший слух—дар природный—и хотя бы самая маленькая музыкальная нотная подготовка.

ПРОГРАММЫ И ИНСТРУКЦИИ.

В. Ф. Лебедев.

Формалиновый способ быстрого изготовления чучел и сухих препаратов животных для музейных коллекций.

Когда отпечатаны будут эти сроки природа окончательно сбросит с себя мертвые оковы холода и предстанет пред нашими взорами во всем блеске тепла, жизни и красоты. С большим нетерпением ждут прихода весеньи—летнего сезона любители естествознания и различные краеведческие организации, так как только в это время они имеют возможность наиболее интенсивно приступить к изучению природы своего края и наиболее широко развернуть свою деятельность. В виду того, что краеведческая работа по естествознанию подчас неизбежно связана со сбором краеведческого материала, думаю, что многим не безинтересно будет познакомиться со способом обработки коллекций и препаратов по зоологии, который в значительной степени облегчает краеведам их работу, выражающуюся в монтировке или обработке собранного материала.

Во время моих работ в лаборатории Орловского Музея Наглядных Пособий мне пришлось неоднократно пользоваться особым составом из смеси мышьяковисто-кислого натра с формалином, который в моей практике давал прекрасные результаты, в частности при составлении орнитологических (птицы) и зитомологических (насекомые) коллекций. Этот состав давал возможность прекрасно сохранять в форме чучел не только мелких птишек и насекомых, но даже и таких крупных и мясистых, животных как ежи, змеи, черепахи, крабы, галки, вороны и пр. Пользование этим составом не требует ни большой траты времени, ни значительных средств и является столь несложным, что считаю необходимым поделиться с читателями „Бюлетена“ рецептом того состава, который, повторяю, мне пришлось часто практиковать и в прекрасном результате действия которого неоднократно убеждался.

Состав этот готовится следующим образом: берут бутылку 40% раствора формалина и всыпают в него мышьяковисто-кислого натра до полного насыщения, т. е. пока всыпаемый натр, после тщательного взбалтывания в

бутыли, перестанет растворяться. Состав можно будет считать достаточно насыщенным, когда на дне бутылки образуется нерастворимый после сильных взбалтываний белый осадок.¹⁾

Приготовленный указанным способом состав мышьяковисто—или мышьяково-кислого натра и формалина является особенно ценным при обработке чучел мелких птичек. Известно, что старый способ обработки чучел птиц, сопряженный со сниманием шкурки, вычищением внутренностей, обмазкой шкурки мышьяковым мылом, набивкой ее войлоком, насадкой на проволоку, зашивкой шкурки и т. д., достаточно сложен и затруднителен; требуется большой навык и умение; чтобы хорошо набивать по такому способу чучела. Малоопытные же руки, взявшись за обработку чучел таким образом, прежде чем проделать все необходимое, изваляют, испортят обрабатываемый материал подчас очень ценный в научном отношении. Передки случаи, что обрабатываемый экземпляр портится во время снятия шкурки (а это дело требует большой осторожности, чтобы не разорвать шкурки не загрязнить и не обципать перьев). И вообще весь процесс требует много времени. Правда, есть специалисты по этой части, которые за плату хорошо набивают чучела. Но не всякая организация может дорого платить специалистам. Бывают случаи, что научный материал в форме мертвых птиц и других животных поступает внезапно и требует в целях его сохранения немедленной обработки; под рукой же нет ни специалистов, ни денег чтобы заплатить таковым. С другой стороны,—не всякий краевед—орнитолог даже при приобретенном им умение набивать чучела согласится нести такую черную работу. Если к тому же поступает материал уже подвергнувшийся порче, то возня с таковым крайне неприятна. А между тем сохранить его было бы весьма желательно. Как быть? Совсем иное дело получается, если под рукой имеется состав мышьяковисто-кислого натра с формалином и, конечно, необходимый для впрыскивания небольшой аптекарский шприц, с иглой (достаточно иметь тот самый, который употребляется в медицине для подкожных инъекций мышьяка).

Вот, например, нам попадает в руки тело мертвой птички величайшей с синичку, образ которой запечатлеть нам хотелось бы для своих научных занятий. Для этого достаточно впустить при посредстве шприца в брюшко, грудку птички, мясистые части конечностей задних и передних, голову, глаза по небольшому количеству грамм означенного состава. А всего на птичку размером с синичку достаточно израсходовать до 40 грамм. Разумеется, сам лаборант—препаратор скоро найдет ту норму, сколько куда впустить раствору; в глаза, например, достаточно впустить по 2—3 капли в каждый. Впрочем, если впускать большее количество—не беда. Следует здесь заметить, что впрыскивать мышьяковисто-кислый натр необходимо осторожно, чтобы шприц не сорвался и жидкость не брызнула в лицо, так как от такого состава возможно ослепнуть, если разбрызганный раствор попадет в глаза. Кроме того надлежит вводить раствор так, чтобы капли его не попадали на перья и вообще верхний покров тела животного, так как от этого сильно страдает его внешний вид: оперенье слипается, принимает белый или

¹⁾ Формалин в аптеке можно достать свободно; что касается мышьяковисто-кислого натра, то его для краеведческого кружка и научных целей можно раздобыть только через Здравоотдел; если в аптеке не окажется мышьяковисто-кислого натра, то его можно заменить мышьяково-кислым натром (*Natrium arsenicum*), так как разница в химическом составе и действии того и другого незначительна. Работая этим составом, надо, однако, твердо помнить, что формалин—вещество едкое, которое оставляет на коже омертвевшие пятна; попадая на ранку вызывает ожог и трудно заживающую язву. Особенно опасно брызнуть формалиновым составом в глаза. Мышьак с своей стороны—общеизвестный, сильно действующий яд. Эти обстоятельства не должны отпугивать от работы с рекомендуемым составом, который совершенно безопасен, если хранится с надписью на пузырьке, надежно от посторонних, если при работе не мочить в нем рук и остерегаться разбрызгивать.

иной оттенок, теряет свой натуральный цвет. А ведь сохранить для научных целей естественный вид животного—это самое главное. При соблюдении известной предосторожности все это достигается легко.

Проделав такую несложную операцию, т. е. всprыскивание, нужно позаботиться о том, чтобы придать обрабатываемому препарату ту форму, которая желательна. Если, например, требуется иметь чучело птички с распростертыми крыльями, нужно сделать это вслед за произведенной операцией всprыскивания, для чего достаточно раздвинуть крылья и положить на них какой-либо предмет так, чтобы он не давал им сдвигаться с места. Если же требуется, чтобы чучело было в сидячем положении, то это тоже необходимо сделать теперь же. Иначе, по прошествии одних или двух суток уже трудно будет иметь дело с окончившим мертвым телом, которое под влиянием вpuщенного в него раствора еще более отвердевает. Через несколько дней обрабатываемый экземпляр примет ту форму, которую ему желали придать, и в таком виде может простоять несколько лет.¹⁾

Если доставлен материал, начавший слегка портиться, произведенное всprыскивание совершенно парализует гниение.

Когда подобным способом приходится обрабатывать пресмыкающихся, например: змей, веретениц, черепаш, то после введения внутрь мышьяковисто-кислого натра с формалином, еще лучше дать препаратам полежать некоторое время в спирту 75°, чтобы последний оказал воздействие на верхний покров их тела. Окончательную форму следует тогда придать животному по выниманию из спирта. Но при обработке чучел птиц отнюдь не стоит прибегать к спирту, чтобы не портить оперения.

Рекомендуемый состав дает хорошие результаты и при обработке энтомологических коллекций. Обыкновенно при обработке чешуекрылых, жестоккрылых у нас в лабораториях прибегают к морению эфиром, после чего насекомое переносят на расправилку. Но, имея под руками указанный состав, можно и не прибегать к морению эфиром. Для этого нужно ввести в насекомое, например, в грудку, брюшко бабочки, жука две—три капли данного раствора или более в зависимости от величины экземпляра; через две—три минуты насекомое окончательно будет убито, а затем остается поренести его на расправилку.

Не следует думать, что этот способ обработки энтомологических коллекций сложнее чем морение эфиром. Могут указать на то сопротивление, которое будет оказывать насекомое, например, бабочка введению раствора в брюшко трехпыханием своих крыльев и дрожанием туловища. Но этого легко избегнуть. Стоит только слегка сдавить двумя пальцами грудку бабочки, остерегаясь повредить ее, после чего легко будет захватить иголкой шприца брюшко насекомого. Сотрудники—учащиеся любители этот способ обработки.

В некоторых случаях обработка насекомых при посредстве мышьяковисто-кислого натра с формалином безусловно необходима, главным образом при обработке таких экземпляров, в которых замечается разложение, обнаруживающееся дурным запахом. Так бывает с различного рода крупными жуками, как жук олень, усачи, жужжелицы, водолюбы, плавунцы, мясистые части которых при обработке без мышьяка обыкновенно портятся и долгое время издают зловоние. Введение же нескольких капель указанного состава совершенно парализует процесс гниения.

¹⁾ Впрочем для научных целей не требуется придавать чучелам причудливых форм—с распростертыми крыльями и т. п.; конечности могут оставаться в сложном состоянии.

Проф. В. Н. Хитрово и П. Н. Кузнецов

Инструкция для фенологических наблюдений в Орловской губернии.

Малоархангельский УСО, в ответ на запрос ГБК пишет:

В вегетационный период настоящего с. х. года Малоархангельский Устатотдел вовлек в область метеорологических и фенологических наблюдений не только свою стат. агентуру, но и школы уезда. В прошлом году некоторые из школ уже давали УСО, по его просьбе, свои сводки наблюдений и сведения эти принесли большую пользу при составлении поуездных характеристик погоды для УЭК. В настоящем году делается опыт более широкого вовлечения школ в эту работу, чему содействовал доклад Зав. УСО П. Н. Кузнецова, сделанный 13 марта с. г. на Уездном Советании школьных работников, на тему „Статистика и школа“.

В докладе этом просвещенцы приглашались к контактной работе с представителями гос. статистики, выяснялись моменты—когда „статистика помогает школе“ и когда „школа помогает гос. статистике“, а вместе с тем особенно отмечалась желательность участия школы в совместных работах по изучению погоды. „Такие наблюдения—говорилось в докладе—во многих школах, конечно, ведутся, но остаются при школе без дальнейшего практического применения, за исключением разве графического диаграммирования результатов наблюдений. Между тем регулярное сообщение этих результатов в уездный центр, для потребностей государственной статистики, могло бы оживить такую работу, сделать ее более интересной для юных натуралистов-школяров и в то же время более ответственной. Такие систематические наблюдения стали бы в круг общественно-полезных работ и толкнули бы на многое...“

С доводами докладчика Уездное Советание школьных работников вполне согласилось, что подтвердилось принятием, единогласно, соответствующей резолюции:

„Признавая крайне важное значение гос. статистики в деле социалистического строительства страны,—Уездное Советание школьных работников считает необходимым: 1) проводить работу по изучению края в полном контакте со статистиками уезда, всемерно помогая друг другу в этой работе; 2) давать в Устатотдел к 1 и 15 числу каждого месяца, т. е. накануне заседаний УЭК, двух-недельные сводки метеорологических и фенологических наблюдений из всех райшкол уезда, школ крестьянской молодежи, с.-х. школы при совхозе „Парашино“, Малоархангельской 1-й девятилетки, Глазуновской ж. д. школы I ступени, Дросковской школы II ступени и иных школ, где такие наблюдения регулярно ведутся; 3) всем просвещенцам принимать активное участие в агиткампаниях по разъяснению целевых заданий государственной статистики как в школе, так и на разного рода собраниях местных граждан, и 4) не забывать, что при выполнении всякого рода статистических заданий должно соблюдать три основные требования всякой статистической работы: срок, полнота и точность даваемых сведений“.

Вместе с тем, согласно просьбе Г.Б.К., прилагаются при сем: 1) копия совместного (УОНО и УСО) циркулярного распоряжения о порядке ведения метеорологических и фенологических наблюдений школами и волстатистиками уезда и 2) копия схемы таких наблюдений применительно к программному Ц. Б. К.

В циркуляре, разосланном от 23/III—с. г., сказано:

„УОПО и УСО предлагают немедленно провести в жизнь эти наблюдения, по намеченной программе, регулярно представляя в УСО копии или сводки наблюдений, за каждые две недели месяца, с таким расчетом, чтобы наблюдения эти были в Устатотделе, непременно, 1 и 15 числа каждого месяца. Отсылка наблюдений вне этих сроков лишает их главной ценности—возможности использовать для доклада Уездной Экспертной Комиссии, а поэтому убедительная просьба сроки отсылок в УСО точно соблюдать.

Школами в наблюдения эти, в порядке кружковых работ, должны быть вовлечены,—после соответствующих разъяснений,—учащиеся старших групп (под руководством учителя или волстатистика), а волстатистиками должны быть приглашены к наблюдениям и их записям по форме желающие добровольцы из наиболее квалифицированных, на основании принятой Уездным Советом работников статистики 2—4 марта с. г. резолюции (пункт 8-ой), по докладу Зав. УСО П. Н. Кузнецова, на тему „Сельско-хозяйственная статистика (урожайная и цикловая), и как наладить метеорологические и фенологические наблюдения“.

При ведении наблюдений особенно важны: систематичность (без перерывов), точность и полнота, а также четкость записей. Чрезвычайно важно, чтобы наблюдения велись всегда ежедневно в одно и то же время. Лучше охватывать меньше явлений, но чтобы наблюдения за ними делались систематически, в какой-либо один срок дня.

Представляемые в УСО копии или сводки наблюдений должны быть скреплены подписью лица, ответственного за их правильность.

В разосланной схеме наблюдений дана, во-первых, фенологическая программа-минимум Центрального Бюро Краеведения:

I. Наблюдения над растениями.

Зацветание мать—и мачехи (обязательно точно проследить и отметить день *первого* зацветания), как первая вежа „Календаря зацветаний“. Зацветание калужницы или болотного курослепа. Зеленение черемухи и березы.

Зацветание березы и зацветание черемухи.

Зацветание вишни садовой, черешни, торна.

Начало цветения яблони.

Зацветание ландыша, сирени, шиповника, жасмина и ржи.

Первые цветы и плоды лесной земляники.

Зацветание липы.

Начало осеннего раскрашивания листьев на деревьях и ход листопада.

Случаи вторичного цветения растений осенью.

II. Наблюдения над птицами.

Появление грачей, скворцов.

Первая песня полевого жаворонка.

Первые и последующие стаи пролетных гусей и журавлей.

Появление первой ласточки-касатки.

Первое кукование кукушки и первая песня соловья.

Первый крик иволги.

Первый крик коростеля или дергача.

Массовый отлет ласточек.

Первые и последующие стаи пролетных журавлей и гусей.

Появление снегирей.

III. Наблюдения над насекомыми.

Первый облет и начало взятка у пчел.

Появление бабочки-крапивницы.

Появление комаров-кусак.

Первый рой пчел.

Появление в воздухе осенней паутины пауков-летников.

Случай массового лета стрекоз, саранчи и др., с указанием направления и продолжительности явления.

IV. Разные наблюдения.

Начало быстрого углубления весной воронок в снегу вокруг деревьев.

Выход озимей из под снега.

Первый крик (концерт) лягушек.

Вскрытие от льда водоемов и рек.

Первая и все последующие грозы, особенно—с градом.

Случай возврата холодов весной (утренники и т. в.).

Замерзание водоемов и рек; выпадения *первого* снега; уход озимей под снег.

Кроме того, необходимо отмечать: первый сев овса, начало посадки огурцов и тыкв; колошение, зацветание, созревание ржи озимой и первый жатва; начало массового сенокоса; первый массовый сбор огурцов; первый осенний сев ржи озимой и ее всходы.

Отмечаются также: цветение гречихи, проса,¹⁾ конопли.

Начало посадки картофеля на полях.

Во-вторых в схему входит программа метеорологических наблюдений по следующему образцу:

„За _____ месяц 1928 г.—место наблюдения“.

Форма разграфлена на горизонтальные строки по числу дней месяца. Вертикальными линиями разделены следующие графы: 1) „погода ночью (пример: холодно, тихо, дождь)“; 2) „солнце сияло“ в 7 час. утра, 1 дня, 9 час. вечера (заполняется словами „да“ и „нет“); 3) в те же три срока „осадки (заполняется—нет или название осадка: дождь, ливень, град, снег, крупа, роса, туман)“; 4) в те же три срока „ветер (направление откуда дует и сила: тихий, слабый, сильный, бурный)“; 5) в те же три срока „облачность (дробью, сколько десятых неба затянуто; 0/10—совсем ясно, 10/10—совсем пасмурно)“; 6) температура в те же три срока (жарко, тепло, холодно, свежо, а если есть термометр—то градусы“;²⁾ 7) барометр за те же три срока (у кого он есть); 8) широкая графа для фенологических отметок „(зацвела черемуха, раскаты грома в полдень с южной стороны и т. д.)“³⁾. —Рекомендуется особенно отмечать грозы с градом.

Более подробные указания и пояснения по вопросу—как наладить на местах метеорологические и фенологические наблюдения были даны в докладе Зав. УСО П. П. Кузнецова по с.-х. статистике, сделанном на Уездном Совете стат. работников 2—4 марта с. г., при чем отмечалось, что наблюдения можно вести *без* приборов, а если таковые имеются (термометр, анероид, флюгер, дождемер и т. п.), то еще лучше при посредстве их. Наконец, в докладе отмечалось, что предлагаемая схема—программа наблюдений чрезвычайно проста и доступна всем, живущим среди природы, но весьма целесообразна в смысле широты охвата. Между прочим, по ней в течение двух слишком лет посылались уже сведения в Фенологический Отдел

¹⁾ Просо можно бы и оставить; слишком неясственно цветение, лучше бы отмечать выметывание (ред.).

²⁾ С указанием какие Реомюра или Цельсия: 4° Реомюра—5° Цельсия.

³⁾ Здесь же, очевидно, надо отмечать последние весенние и первые осенние заморозки и чем повредили, сухие вредные туманы и росы, массовые повреждения вредителями насекомыми и грибами.

имени Кайгородова при обществе любителей мироведения, объединяющем фенологическую работу в СССР, каковым Зав. УСО предполагает снова связаться.

По мере развития практики в области массовых мет. и фенологических наблюдений на территории уезда, возможно было бы составить и издать более подробные программы таких наблюдений с инструкционными указаниями. Главное же правило для наблюдателей: точность и систематичность записей, производя их в одинаковые сроки дня и, по возможности, над определенными участками (площадками). Хорошо и тут не забывать завет Ильича— „лучше меньше, но лучше“.

Помещая здесь программу Малоархангельских наблюдений, Г. Б. К. имеет в виду их полную целесообразность и желательность по этой же программе распространить наблюдения и на всю территорию губернии.

С своей стороны дополним программу некоторыми примечаниями.

Фенологические наблюдения могут иметь большое научное и прикладное значение, если ведутся *систематически*, если сведения *полны и достоверны*. Но и помимо этого, для того, чтобы они не превратились в скучное и праздное занятие, надо еще одно условие: *тематичность*, целевую установку. Мало ли что можно наблюдать и записывать: если делать это вразброд, каждый раз по своему—то часто нельзя никакого полезного вывода сделать из наблюдений ни для себя, ни для других. Какая же цель предлагаемых наблюдений и польза 1) для себя и 2) для других? „Для себя“ это значит—получить привычку охватывать годовой круг природы и хозяйства по естественным периодам, получить возможность точно сопоставить и учесть отклонения данного года от нормы, предвидеть заранее срок наступления в данном году важнейших хозяйственных моментов. „Для других“—это информация о текущих отклонениях от нормы, путем многолетних наблюдений на одном месте—установления средних сроков явлений и крайних возможных отклонений, взамен обывательских показаний сторожилов, которые иногда ничего не помнят. Важность наблюдения *именно тех* явлений, которые указаны в минимуме программе Центрального Бюро Краеведения проследовать из их тематичности. Тема этих наблюдений и цель их—возможность привести на карте СССР профили, т. е. линии одновременной отметки явления. Легко понять—какое значение для учета климатических влияний на распространение культуры имеют такие карты. Но кроме такой темы во всесоюзном масштабе нам при дружной массовой работе наблюдателей можно поставить ее с целью *подробного* изучения климата нашей территории губернии и уездов. Нельзя же в каждом селе ставить метеорологическую станцию, а растения опозданием или ускорением фаз своего развития чутко отзовутся на особенности климата не только в зависимости от географической широты и долготы, но и в зависимости от высоты местности, направления склона, характера почвы, окружения лесом и болотом или полями и т. д. И когда мы узнаем, что там то и там то в пределах нашей территории явления систематически опаздывают или ускоряются на столько-то дней—мы получим ключ к точному сельско-хозяйственному районированию и лучшему подбору сортовых растений и приемов для каждого отличающегося района.

Что касается программы метеорологических наблюдений, в редакции „Бюллетеня“ лежит рукопись автора настоящих строк „О школьных наблюдениях над погодой“, где подробно указаны те наблюдения, которые наиболее просты и вместе с тем имеют наибольшее местное практическое приложенье для наблюдателя. Пока ограничимся следующим: барометрические наблюдения на метеорологических станциях совершенно достаточны для центральных сводок. Затруднять краеведов барометрами совершенно бесцель-

но, так как на пространстве губернии барометрические сводки никакого значения не имеют. Если на счет предсказания погоды, то гораздо проще вместо барометра, который редко поможет, установить самый дешевый детекторный радио-приемник, на котором великолепно можно ежедневно в 1 час. 25 мин. дня слушать из Москвы бюллетень Бюро погоды, с предсказанием на сутки вперед, вполне пригодным для нашей губернии.

Относительно температуры крайне желательно иметь каждому наблюдателю хотя бы самый простой и дешевый градусник, такой, например, которым измеряют температуру ванны „водяной градусник“. Очень жаль, что до сих пор не восстановилось изготовление дешевых максимально-минимальных термометров, того типа, которые в массовом количестве изготовлялись для парников. Такой термометр избавляет наблюдателя от стеснительной срочности наблюдений, дает гораздо более ценный для сельского хозяйства метеорологический материал, чем 3 срочных наблюдения, а именно наибольшую и наименьшую температуру воздуха за сутки. Нужно поставить вопрос о необходимости восстановить производство таких термометров и о их удешевлении для массового употребления.

Относительно осадков—нет ничего легче, как устроить дождемер для их измерения. Для этого годится всякое ведро с ровным верхним обрезом без ушек. Надо только в него вставить легко выпимающийся кружок на половине высоты ведра, сделанный из листового железа. Он предохраняет скатившуюся внутрь дождевую воду от быстрого испарения, а чтобы вода стекала под кружок в нижнее отделение ведра, кружок надо вогнуть к середине—плоской воронкой и пробить маленькие дырочки для стока. Остается измерить стаканчик, в который сливают из ведра осадки. Отметьте для этого точным сантиметром по стенке ведра изнутри от дна 25 сантиметров и, поставивши ведро прямо по ватерпасу, налейте как можно точнее по этому уровню, 25 сантиметров воды.—Это приблизительно половина той воды, которая за год у нас выпадает. Теперь поаккуратнее, сливая воду через воронку, вымерьте воду в ведре целными стаканчиками, рюмками или сотками. Положим окажется 11 стаканчиков. Значит, каждый стаканчик соответствует $\frac{25}{11}$ сантиметров, или $\frac{250}{11}$ миллиметров осадков. Этот самый стаканчик, если он одинаковой ширины внизу иверху, годится как окончательное более дробное и точное мерило. Наклейте только к нему спаружи бумажную полоску и разделите ее черточками, отвечающими 1 миллиметру осадков и десятым долям миллиметра. Если мерили посудкой неправильной формы, то теперь перелейте точно ее содержимое в правильный стаканчик и сообразно уровню в нем воды разделите промежутки, как только что описано. Дождемер ваш готов. Остается раз в сутки, а еще лучше после каждого дождя, чтобы не усыхали осадки из ведра, мерить воду в нем вашим стаканчиком и записывать число миллиметров осадков за сутки. Снег зимой собравшийся в дождемере сначала надо растопить.

Очень важно было бы еще измерять влажность в почве. Ведь по одним осадкам ее не узнаешь. Бывает усохнет больше почва за сутки, чем дождевого осадка в себя примет. Но учесть влажность почвы очень просто. Для этого требуется только иметь аптекарские весочки с роговыми чашками, какие употребляют фотографы-любители и разновес к ним от 1 до 100 грамм. Измерение делается так: идут на поле с весиками и разновеской в 100 грамм, копают почвенную яму и отвешивают тут же ровно по 100 грамм почвы с глубины 10, 20 и 40 сантиметров и складывают образцы в припасенные коробочки; куда кладут сразу *ярылычек*—откуда почва, чтобы после не сбиться. Из обрезков железного листа готовят, подгибая край, маленькие подносики на образец протвиня. Рассыпают в них принесенные образцы и

сушат их потом в русской печи, когда она не слишком горяча, т. е. после хлебов или приготовления пицци. Высушенные образцы взвешивают. Сколько грамм не хватает до 100—столько они потеряли процентов воды при сушке легко выяснить и % влажности т. е. процент воды от сухого веса, путем вычисления пропорции¹⁾. Легко этим путем сравнить % усушки и влажности на разных почвах, склонах, под разными видами пара, под разными культурами—кому что интересно. А чтобы следить за ходом влажности вообще, надо через каждые 5 или 10 дней—брать образцы с одного места поля.

В схеме малоархангельских наблюдений, насколько можно видеть, описан совсем очень важный отдел наблюдений над водами и источниками: «крытие рек и замерзание их, уровень воды, обилие вод и усыхание колодез», особенности снегового покрова—не нашли себе отражения в присланном [в Г.Б.К., материале. Однако, составители схемы правы, если они отказались не от наблюдений, а от выдумывания собственной программы, а разослали на места для заполнения краеведам анкеты и инструкции Гидрологического Института в Ленинграде, который тщательно и полно разработал свою программу, в связи с теми задачами, которые получают свое разрешение при разработке данных, собираемых повсеместно в РСФСР. Если же анкета эта не разослана—надо и ее рекомендовать к исполнению.

Вот с этими примечаниями и дополнениями мы полагаем бы весьма желательным распространить на всю губернию программу наблюдений, проведенную в жизнь в Малоархангельском уезде.

1) Допустим, что потеря 20 грамм или 20%. Сухого вещества осталось 80 гр: значит на 80 гр. его было 20 гр. воды. Сколько % двадцать от восьмидесяти—столько % влажности. Для того 20 маожим на сто и делим на 80 получаем 25% влажности. Проценты усушки конечно всегда меньше процента влажности

НА МЕСТАХ.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КИРИЛЛОВ.

(Некролог).

18 декабря 1927 года после непродолжительной болезни скончался заведующий и организатор Елецкого Пролетарского Музея Алексей Александрович Кириллов.

Покойный начал свою деятельность в Орловской губернии 10 лет тому назад, когда он по демобилизации из старой армии в 1918 г. приступил к организации Ливенского Народного Музея. Будучи хорошим знатоком старины, обладая неутомимой энергией и настойчивостью, он умело выискивал и собирал в музее различные ценности старых дворянских гнезд, которых было достаточно в Ливенском уезде, и в течение одного года он собрал весьма ценный Ливенский Музей. В 1919 году с приближением к Орловской губернии фронта гражданской войны Алексей Александрович, как лицо командного состава, мобилизуется тринадцатой армией,

и до 1921 года он все время работает в Красной Армии.

В 1921 году Алексей Александрович попадает в Елец и, заканчивая здесь свою работу в Красной Армии, сближается с существовавшей здесь „Коллегией по охране памятников искусств, старины, быта и природы“, которая с 1919 года по 1921 год все время обдумывала проект создания музея, но ничего не сделала в течение двух лет для осуществления своих прекрасных проектов.

С первых же своих посещений *Коллегии по охране памятников старины* он начал двигать вопрос о создании музея, упрекая коллегию за ее нерешительность и подчеркивая бесполезную из-за этого потерю времени для музейного дела. Когда в августе 1921 года Елецкое ОНО, согласившись с доводами покойного о необходимости создания музея, поручило ему собирание музейного фонда Алексей Александрович со свойственной ему энергией принимается за работу, и в течение времени с августа 1921 года по май 1922 год им было собрано 1362 экспоната, причем сбор этих экспонатов производился в исключительно тяжелых условиях. Финансовая база почти отсутствовала, штата никакого не было, а извлекать самые экспонаты из различных организаций и учреждений, куда они попали в первые годы гражданской войны, приходилось с большим трудом, почти что с воинной. Только благодаря неистощимой энергии Алексея Александровича, благодаря его любви к делу, он мог в тяжелых условиях 1921—22 года собрать фундамент музея и 2-го мая 1922 года был открыт музей. Не прекращая своих забот о музее и памятниках старины, Алексей Александрович в 1923 году является одним из инициаторов организации Общества Друзей Елецкого Музея, общества, которое в свою очередь оказало значительную поддержку Алексею Александровичу в его работе по устройству и

пополнению музея. К настоящему моменту Елецкий Музей имеет у себя 4523 экспоната и по своей ценности является одним из первых среди провинциальных музеев.

Придавая большое значение не только охране памятников старины, но и охране памятников природы, Алексей Александрович своевременно начал заботиться об охране Галичьей Горы, этого большого памятника природы в пределах уезда и его усилиями этот памятник природы в данное время выделен и охраняется от уничтожения.

Не мало сил было положено покойным и на то, чтобы наладить в уезде работу по краеведению. В течение трех лет Алексей Александрович вел пропаганду усиления краеведческих работ в уезде, подчеркивая значение этих работ в деле строительства новой социалистической жизни, и его старания и здесь не остались бесплодными.

Теперь Алексей Александрович преждевременно оборвал свою работу, заболев воспалением легких во время ее же—на своем посту, но созданное им дело долго будет жить и свидетельствовать о его любви к нему, о его упорстве и энергии, положенной им на дело поднятия культурного уровня масс. Созданный им при содействии пролетарского общества такой богатый в местном смысле очаг человеческой культуры, является лучшим памятником Алексею Александровичу, и вместе с тем лучшим доказательством того, что пролетариат—друг науки, сохраняющий культурные ценности и использующий их для своего просвещения. Немного проработав, но много сработав, он покинул нас, оставив нам богатое наследие и пример умения хранить его.

Председатель ОДЕМ *И. М. НИКОЛЬСКИЙ*.

В. Ф. Сопычев.

Сведения из отчета о деятельности и состоянии Мценского Общества по изучению местного края за 1927 г.

В 1927 г., седьмом со времени основания, деятельность Мценского Общества по изучению местного края продолжала развиваться, несмотря на то, что интенсивность в работе чувствовалась слабее прошлых лет, но зато улучшилось качественная сторона дела, увеличилось число членов Общества, стало больше сосредоточенности в работе, хотя большинство членов Общества—школьных работников было сильно перегружено своими служебными обязанностями.

Программа работ оставалась та же.

Личный состав Общества на 1-е января 1927 г. включал в себе действительных членов 41 человек (из них 22 городских и 19 сельских) и 3 сотрудника, а всего 44 человека.

В 1927 году вступило новых действительных членов 5 человек и сотрудников 30 человек; итого к концу 1927 года числится действительных членов 46 человек (27 городских и 19 сельских) и 33 сотрудника, всего же 79 человек,

Собрания Общества. Общих собраний за год было 3. Посещаемость собраний в среднем составила 12 человек на каждое.

На этих 3-х собраниях заслушано было 12 разных вопросов, из которых научных докладов было прочитано 21 (доклад В. Ф. Сопычева: „Материалы к истории г. Мценска“, 2) доклад М. А. Зиновьева: „Материалы к истории Мценского Края“.

Популяризм торская деятельность Общества выразилась в выступлении члена Общества Сопычева (в летнем театре) с докладом—лекцией на тему: „Историческое прошлое города Мценска“.

Научно-исследовательская работа велась, главным образом, по изучению: а) материалов по истории Мценского Края, б) климата и в) фенологических явлений Мценского Края.

17 мая 1927 года членами Общества: Шелапутиным, Воланцевичем и Сопычевым было произведено обследование места находки костей волосатого носорога и раскопка таковых в дер. Верхняя Зароща вблизи речки Нижней Зарощи (правого притока р. Зуши).

Начата работа по составлению справочника по городу Мценску, по схеме, выработанной Правлением Общества.

В текущем году удалось оканчательно организовать 2 секции: естественно-историческую и общественно-экономическую, которые сделали каждая по одному организационному собранию, где наметили и распределили между собою для проработки следующие вопросы программы: „Геологическое строение Мценского Края“, Климат, Растительный мир Края, Животный мир Края, Обследование товаро-проводящей сети, обследование совхоза при Мценской колонии инвалидов, собиране всех статистических данных из всех справочных изданий для составления справочника по Мценскому Краю, продолжение начатых работ по изучению населения Мценского Края и его колонизации, наблюдение за особенностями говора населения местного края, изучение культурно-исторических памятников прошлого.

Правление Общества в своем составе имело 5 человек членов, председатель И. А. Шелапутин, секретарь В. Ф. Сопычев, члены Правления: А. Н. Калининкова, Е. С. Волонцевич и Д. Н. Быков.

Изменений в составе Правления не было. Правление за год имело 4 заседания, на которых рассмотрено 14 разных вопросов.

Заседаний Редакционной Комиссии не было ни одного за не поступлением материалов, подлежащих непременно рассмотрению Редкомиссии; мелкие же статьи и заметки были просмотрены и отредактированы секретарем Комиссии.

Журнал „Мценский Край“ в 1927 г. выпущен только один № 1-й.

Библиотека Общества продолжала пополняться, главным образом, изданиями, выписываемыми на средства Отщества, а именно:

1) Журнал „Краеведение“ (4 №№)	— 1 том,
2) „ „ „Известия Ц. Б. К.“ (9 №№)	— 1 „
3) „ „ „Мироведение“ (4 №№)	— 1 „
4) поступило других книг	— 6 „
а всего . . . — 9 том.	

Библиотекой пользовалось 13 лиц, книг было взято ими 105.

Музей местного края Общества продолжал постепенно пополняться экспонатами—случайными находками местного края, поступившими в дар Музею от разных лиц в количестве 16 экземпляров.

Научная связь Общества велась:

- 1) с Центральным Бюро Краеведения,
- 2) „Русским Обществом Любителей Мироведения,
- 3) С Главной Геофизической Обсерваторией.
- 4) С Российским Гидрологическим Институтом.
- 5) С Орловским Губернским Бюро Краеведения и Обществом Краеведения

Работа Метеорологической станции велась та же, что и в прошлые годы без изменений.

Движение денежных средств общества. Главным и единственным источником поступлений денежных средств. Общества были членские взносы, которые, к сожалению, поступали очень неаккуратно.

Движение денежных сумм в 1927 году выразилось в следующем: приход—23 р. 57 к., расход за то же время—22 р. 55 к.

П. Н. Кузнецов.

Положение краеведения в Малоархангельском уезде.

Краеведческое движение в Малоархангельском уезде растет неорганизованно, без надлежащего руководства, так как соответствующий центр краеведческого движения—Малоархангельское уездное Бюро Краеведения упорно и долгое время молчит. Заглохло, не успевши расцвести. Между тем, почти во всех волостях уезда имеются любители—краеведы, желающие работать, но не знающие как приступить к делу, и лишь некоторые, случайно, направленные в Г. Б. К., как, например, Е. Б. Грошев из Верхососенской волости, обрели путь и должное руководство в дальнейшей их полезной и интересной для местного краеведения работе. Остальные же, как например, *т. т. Макаров и Алексин* из Колпенской волости, *Михайлин и Зарубин* из Куракинской, агроном *Лиц* из Луковской и многие другие—остаются пока за бортом организованного движения, хотя среди них имеются такие знатоки—практики и многолетние систематические наблюдатели хотя-бы за фенологическими явлениями, как педагог *Н. П. Макаров* и др. Их ценный опыт следовало бы утилизировать для общей пользы, а не давать ему расплываться и глхнуть в узком масштабе местной жизни. Имеются и среди волстатистиков не мало интересующихся краеведением и ведущих ценные и интересные, своей систематичностью, работы по всестороннему учету своего собственного сельского хозяйства, как например, Верхососенский волстатистик *О. И. Горохов*, занятый сейчас диграммированием продукции своего хозяйства за пять лет. Наконец, местная массовая школа уже достаточно раскачалась в области краеведения и жаждет сведений и надлежащего руководства, ярким подтверждением чего служит все более и более увеличивающийся спрос со стороны местного учительства на издания, характеризующие особенности местного края. Спрос этот, по мере сил и возможности, по своей линии более или менее удовлетворяют библиотека Устатотдела и библиотечки при волстатистиках. Но этого мало, нужно шире и глубже развить уже зародившийся на местах интерес к краеведению, а для этого нужно побольше активности и поменьше разброса среди соответствующих уездных центров. Истина старая—там лучше, где меньше слов, но больше дела.

А у нас, в уезде, как раз наоборот, слов много, а вот дел то и не достает для оживления, углубления и наиболее широкого вовлечения масс в интереснейшую работу *организованного* краеведческого изучения нашего родного уолка, нашего края.

Но если мало инициативы пока в уездных центрах, то нужно и хотелось бы надеяться, что инициативу пробудят и вольют живую душу в нашу провинциальную тишь сверху, со стороны Г. Б. К.

С горы, говорят, виднее.

Для Малоархангельского уезда пробуждение инициативы и оживление работы особенно своевременно, так как в сентябре 1928 года исполняется 150 лет с момента, когда уезд наш официально получил свое самостоятельное существование. Тем более это не обходимо, что наш Малоархангельский край, хотя и самый молодой в административном отношении среди прочих уездов губернии, таит в себе не мало интересных ценностей для краеведов—исследо-

вателей в области археологии (остатки мамонтов, олени рога, различные предметы древности, обнаруживаемые при добывании торфа); в области легенд и сказаний о Кудеяре; в области замечательных памятников зодчества, как «круглый храм» в Куракине; в области красивых уголков природы; наконец, в области крупной производственной инициативы, как Губкинская с-х. кооперация, поставившая на дело заглохший было Плещеевский винзавод и проч.

Ценностей много—даешь организованных исследователей этих ценностей, даешь одухотворение истинной любовью к делу краеведения руководство всеми этими исследованиями

БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. Преображенский.

„Г. Орел.“ Выпуск 1-й с рисунками, составили члены Орловского общества краеведения П. С. Ткачевский и И. И. Лебедев,

В декабре 1927 г. Орловским Обществом Краеведения был издан „выпуск 1“ материалов по изучению Орловского края. Предполагается, что за первым выпуском последуют и другие.

Появление в печати материалов, дающих определенную установку краеведческой работе, следует приятно приветствовать.

Особенно это следует сказать про материалы по г. Орлу. Потребность в таком выпуске, несомненно, давно назрела. Все попытки собрать и систематизировать имеющиеся данные о прошлом г. Орла тем более были кстати, что подходившие к этой задаче предшественники Ткачевского и Лебедева „как любители“, правда, добросовестно выполнили то, что могли, но задачи—то самой не выполнили. Библиографический отдел, изложенный в XIII главе выпуска под заглавием „Обзор трудов по истории г. Орла“, дает нам некоторое представление о доморощенных любителях старины и их скромных попытках отдельными монографиями осветить те или иные страницы прошлого г. Орла. Но беда в том, что каждый из этих любителей освещал один какой-либо вопрос и при этом в разрезе крайней субъективности с отражением в своих выводах не только особенностей своей профессии, но смешивая, зачастую, анекдот прошлого с реально ценным, историко-бытовым фактом. Кроме всего этого надо также считаться и с тем, что все эти любители старины работали то над прошлым г. Орла по соображениям далеко не научного характера. На ряду с тщеславием генерала Шульгина мы видим ярко классовую заинтересованность и тенденциозность учителя духовной семинарии Пясецкого, готового в своих выводах о прошлом г. Орла на каждом шагу притянуть за волосы православное духовенство и церковь.

Таким образом, первым крупным успехом авторов первого выпуска следует считать попытку систематизировать весь имеющийся материал о прошлом г. Орла в виде отдельного сборника. Задача понятно очень сложная и трудная, так как отсеивать, перебирать и отобрать все ценное из отдельных монографий любителей старины, из архивных данных, из разнообразной литературы возможно только при условии широкого применения чисто лабораторного метода в занятиях и при наличии определенных навыков научно-исследовательской работы.

Вторым весьма крупным достоинством выпуска следует признать его насыщенность фактическим материалом. Во всех главах выпуска можно найти наряду с приводимыми фактами прошлого и ссылку на соответствующий архивный источник; подтверждающий его историческую ценность. Это обстоятельство говорит за то, что авторам хорошо известны методы научно-исследовательской работы. Достаточно в этом отношении назвать ссылки авторов на свидетельства капитана Маржерета (1610 г.) „Собрание государственных грамот и договоров“ 1636 г. Книгу „Большому чертежу“ 1627 г., „записки Лукьянова“ 1711 г., „донесения воеводы Аф. Титова“ 1673 г., „воеводы Скрябина“ 1674 г. и целый ряд других. Вышеназванные архивные материалы для рационального их использования понятно требует умелого подхода не только в смысле выемки той или иной иллюстративной выписки, цитаты, а правильного прочтения и толкования ее при ориентации на историческую эпоху, обстановку и т. д.

Далее, переходя к оценке самого фактического материала в смысле его современной значимости и ценности следует отметить одно весьма важное в этом отношении обстоятельство, которое придает всему содержанию выпуска известное направление. Речь идет о четко подобранных и рассеянных по выпуску фактах, характеризовавших классовую структуру Орловского общества. Здесь мы можем проследить и процесс образования из служилого люда городской буржуазии и образование из людей посадских мелкой буржуазии, расцвет дворянства и духовенства и их постепенный упадок под давлением торговой буржуазии, основные моменты классовой борьбы и т. п.

Несомненно, весьма большой интерес представляет собой глава IV, посвященная вопросу экономики г. Орла. Все фактические данные с процветавшей в г. Орле торговле, о судоходстве по р. Оке при наличии целой торговой флотилии, насчитывавшей 200 судов, и сбывавшихся по Оке продуктах сырья и т.п. ценны в том отношении, что вскрывают совершенно не затронутую исследователями любопытную страницу прошлого города.

Наконец, нельзя не отметить, что выпуск написан вполне понятным и литературным языком, вполне допустим для понимания широких кругов читателя. Вполне уместны и интересны также рисунки, хотя и не полностью охватывающие исторические моменты прошлого г. Орла.

При несомненно отмеченных достоинствах первого выпуска не мешает также сказать и несколько слов по поводу замеченных недостатков, тем более, что рецензируемый выпуск по счету является первым.

Прежде всего относительно целевой установки издания I-го выпуска.

Для кого собственно предназначалась это издание? Вступительная статья от Орловского Общества Краеведения будто-бы с определенностью указывает, что все выпуски, как и первый, будут служить „пособием при изучении края“. Но опять невольно вопрос „для кого пособием?“ Думается, что в этот вопрос нужно внести ясность и пора ее внести, чтобы не путать планировку материала и всему выпуску придать законченное назначение. Ошибкой, вероятно, не будет, если расшифровать то, что Общество Краеведения подразумевает под „пособием“. Это видимо настольная книга для краеведа, а также и для учителя, прорабатывающего известный отдел обществоведения в своей школе.

Если установка именно такая, то выпуск I-й для этой цели не годится, что я и постараюсь доказать.

1) Выпуск I-й лишен плана. Ткачевский и Лебедев в основу своей очень ценной книги не заложили фундамента—плана и в этом первый существенный недостаток. В своем вступлении к I-й главе авторы выразились так: „Что касается расположения материала, то пришлось отказаться от первоначальной мысли расположить его весь „по столетиям“, пришлось отказаться от второго проекта дать его по этапам „жизни“ Орла. Пришлось прибегнуть к смешанно-

му способу и в некоторых главах поместить сведения за все время существования Орла. Только такой способ . . . создавал цельность отдельных глав."

В своем вступлении к I-й главе авторы „kozyрнули“ на счет отсталости в методах построения исторического материала своих предшественников „прошлое Орловского края изучали (предшественники) не систематически, а постольку, поскольку изучали по методу Иловайского, т-е. давали историю царствования, историю губенаторов“ и т. д. Так позвольте же вас спросить, дорогие товарищи, далеко ли вы ушли в этом отношении от своих предшественников, коль скоро вы собирались расположить материал „по столетиям“ или по этапам жизни г. Орла.“ И фактически осуществили какой-то „смешанный способ“. С какой планеты вы занесли в нашу советскую действительность такие методы планирования краеведческого материала?

2) При отсутствии ясно выдержанного плана, в выпуске I-м мы не найдем того, что составляет основу подобных работ, т-е. освещение всего фактического материала с точки зрения определенного миропонимания, т-е. марксистского. В самом деле, углубляясь в характер внутреннего содержания выпуска, мы встречаем факты, нанизанными на одну нить—образование г. Орла и его развитие до наших дней. А вопросы экономики? Куда девался быт? Почему нет намека даже на революцию 1905 года и принесенные ею особенности городской жизни? Где империалистическая война? Пребывание Деникина в Орле? Стержнем самым главным, по нашему мнению, работ подобно выпуску № 1 должны быть—хозяйство города, развитие производительных сил, классовая борьба и т. п. И любопытно то, что в большей своей части фактический материал, характеризующий эти моменты, в выпуске имеется, как говорилось выше (торговля, классовая борьба). Но марксистское освещение этому материалу не дано и он остается разбросанным по отдельным главам.

3) В заключении нам хотелось отметить, что выпуск 1-й при наличии отменных достоинств и недостатков нуждается в коренной и основательной переработке, чтобы действительно служить пособием и краеведу и учителю. Нужно откровенно сознаться, что весь выпуск производит впечатление какого-то наброска, сделанного „в порядке пожарной спешности.“ Авторы куда-то спешили, точно за ними была кем-то организована погоня, а отсюда и получилось то, что выпуск 1-й, помимо явно обнаруживающейся небрежности в его сработке, существенно теряет свою большую ценность, превращаясь в справочник сырьевого значения. Подобные выводы в то же время никак не вяжутся с богатством фактического материала, рассеянного в выпуске, с правильным подходом к использованию авторами всех материалов и это тем более говорит за необходимость его коренной переработки и чем скорее это будет сделано, тем лучше будет и для авторов и для Орловского Краеведческого Общества.

Наконец цена выпуска № 1 р. 40 к. очень высока и почти недоступна для широкого покупателя.

Председатель редколлегии *Г. М. Бек.*

Члены } *С. Н. Алексеев.*
 } *П. М. Воскресенский.*
 } проф. *В. Н. Хитрово.*

Секретарь *В. В. Петиков.*

г) Секция Школьно-Краеведческой. (Руководитель Секции П. М. ВОСКРЕСЕНСКИЙ).

1. Очередные задачи ОкрОНО в разрезе школьного краення.—Д. С. КАШИРИН.

2. Организация краеведческих кружков при школах повышенного типа.—И. Н. ФОМИН.

3. Роль школы в вопросах организации территории.—М. П. ПОПОВ.

4. Проработка программы занятий кружков по повышению квалификации учащихся в области краеведения.

5. Метеорологические наблюдения в школах и краеведческих школьных кружках.—В. Н. ХИТРОВО. (Вопрос переносится в объединенное с Естественно-Исторической Секцией заседание).

д) Секция Культурно-Исторической. (Руководитель Секции В. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ).

1) Практические задачи краеведческой работы в историко-культурной области.—В. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

2. Аграрная революция 1917 года в Орловской губ.— тов. ГОЛОВИН.

3. Увязка работ краеведов и музейщиков.—Н. К. ПОКРОВСКИЙ, содокладчик И. К. ГАВРИЛОВ.

4. О производстве последований в области верований, связанных с ними обычаев и влияния их на жизнь населения, и внедрения нового быта.—И. И. ЛЕБЕДЕВ.

5. Об изучении личности И. С. ТУРГЕНЕВА по местным материалам.—Н. К. ПОКРОВСКИЙ.

6. Обсуждение плана научно-исследовательских работ, представленного на Конференцию, в области культурно-исторической.

7. Доклады с мест о проделанной в области культурно-исторической работе и перспективах работы.

Руководителям Секции даны задания в зависимости от времени, могущего быть уделенного работе Секции, сдать повестки, но на секционных заседаниях проработать, как минимум, вопросы, определенные протоколом С. Б. К. № 20.

Жесткий регламент не лишает, однако, делегатов возможности пополнить повестки своими докладами.

Сообщая о вышеизложенном, Окрбюро Краеведения просит принять участие в созываемой Конференции.

От Вашей организации желательно присутствие _____ делегатов.

Ответ. Секретарь О. Б. К. Лебедев.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 4 был сдан в типографию в начале июня мес. с. г. в силу объективных причин выпуск его задержался до октября

5-7

На 20— 3 октября с. г.

В г. ОРЛЕ

в помещении Дома Работников Просвещения

(Борисоглебская дом Подтехникума)

СОЗЫВАЕТСЯ

ОРЛОВСКАЯ ОКРУЖНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ

— КОНФЕРЕНЦИЯ. —

Первое пленарное заседание назначено на 6 час. вечера 20 октября.

Ориентировочно приняты следующие повестки дня:

а) Пленарных заседаний:

1. Доклады представителя Окружкома и Окрплана и содоклады В. Н. ХИТРОВО, М. П. ПОПОВА и Ю. Г. НАУМОВА о хозяйственных задачах текущего момента.

2. Доклад представителя Ц. Б. К.

3. Отчетный доклад Губбюро Краеведения с содокладом Ревкомиссии.

4. Доклад Окрбюро об организации краеведения в связи с новым административным устройством.

5. Производственный план на 1928—26 год.

6. Утверждение резолюций и устава краеведческой организации.

7. Выборы.

б) Экономической Секции. (Руководитель Секции

С. Н. АЛЕКСЕЕВ).

1. Алкоголь в крестьянском быту. — Д-р ИЗРАИЛЬСОН.

2. Питания крестьянского населения. — В. В. ПЕТИКОВ.

3. Сырьевые ресурсы Орловской деревни — Е. К. ФОМИН.

4. Социально-классовый состав Орловской деревни. —

С. Н. АЛЕКСЕЕВ.

5. Метод исследования кустарных промыслов. — И. Н. ФОМИН.

в) Секции Естественно-Исторической. (Руководитель Секции В. Н. ХИТРОВО).

1. Увязка краеведной работы по линии изучения природы со школьным краеведением.

2) Проработка плана научно-исследовательских работ, представленного на Конференцию, в области естественно-исторической.

3. Задачи организации территории.

4. Из санитарных обследований по Орловскому краю.

5. Исследовательская работа истекшим летом в пределах нашей территории.

6. Работа Семенной Контрольной Станции и краеведение.

7. Работа Станции Защиты Растений и краеведение.